

94
317.

801-14
1123

ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ
ВЪ
ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ
И
БѢЛОМЪ МОРѢ.

Переводъ съ французскаго.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1900.

ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ
ВЪ
ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ
И
БѢЛОМЪ МОРѢ.

Переводъ съ французскаго.

26713-0

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1900.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мои друзья просили меня сообщить имъ копию съ путевыхъ замѣтокъ о моемъ плаваніи на „Литвъ“ по Ледовитому океану и Бѣлому морю въ августѣ 1897 года. Ради нихъ я распорядился отпечатать мои записки о поѣздкѣ изъ Бодэ въ Архангельскъ и обратно. Эти записки не претендуютъ на какое либо литературное значеніе и представляютъ лишь воспроизведеніе тѣхъ замѣтокъ, которыя я дѣлалъ каждый вечеръ для себя карандашемъ въ небольшія тетрадки, чтобы впоследствии имѣть возможность живѣе воскресить въ своей памяти видѣнныя мною чудныя мѣста и разсказывать о нихъ тѣмъ, кто ими интересуется.

М.....

Парижъ, Іюль 1898.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ августѣ 1897 года уроженецъ Австріи графъ Милевскій, путешествуя на своей яхтѣ „Литва“ по Бѣлому морю, посѣтилъ Соловецкій монастырь и, на память о трехдневномъ своемъ пребываніи въ монастырѣ, прислалъ въ 1899 году Настоятелю Св. обители Архимандриту Іоанникию свои путевыя записки, напечатанныя въ Парижѣ въ 1898 году на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Двадцать три дня въ Ледовитомъ океанѣ и Бѣломъ морѣ“.

По личной просьбѣ Его Высокопреподобія, Отца Архимандрита, я принялъ на себя трудъ перевести книгу графа Милевского съ французскаго на русскій языкъ. Принимаясь за этотъ трудъ я имѣлъ въ виду ознакомить русскихъ читателей съ тѣми впечатлѣніями, которыя вынесъ авторъ — полякъ и католикъ о православныхъ монастыряхъ, побывавъ въ богатомъ древне-историческими преданіями и памятниками православномъ Ставропигіальномъ Соловецкомъ монастырѣ.

Записки графа Милевского о пребываніи его въ Соловецкѣ представляютъ изложенный простымъ разговорнымъ языкомъ интересный историческій документъ, написанный человекомъ безпристрастнымъ и всесторонне образованнымъ.

В. Чебыкинъ.

ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ ВЪ ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ И БѢЛОМЪ МОРѢ.

24 іюля.

Чудное утро, стало немного теплѣе, но сѣверъ не поступаетъ своими правами; окружающій насъ горизонтъ окаймленъ покрытыми снѣгомъ горами и въ воздухѣ чувствуется свѣжесть. „Литва“ становится на якорѣ въ г. Бода, гдѣ необходимо запастись углемъ.

Нашъ первый визитъ почтѣ, потомъ идемъ на телеграфъ и посылаемъ депешу нашему другу, капитану П., командиру „Циклопомъ“ въ Кандіи. Недоумѣніе телеграфиста, которому никогда еще не приходилось отправлять туда депешъ. Телеграмма была адресована Кандія-Кратъ. Почесавъ затылокъ и перелистывавъ три толстыя книги, норвежецъ объявляетъ, что намѣренъ примѣнить греческій тарифъ; мы протестуемъ, указывая ему, что Критъ—страна, принадлежащая пока Турціи.—Въ концѣ-концовъ только старый атласъ послужилъ намъ неопровержимымъ доказательствомъ: Критъ вмѣстѣ съ Турціею обозначены на немъ красною краскою, Греція-же желтою. Тогда онъ рѣшается взять съ насъ всего 16 кронъ; но все-же, видимо, остался неубѣжденнымъ.

Оттуда отправляемся въ гостиницу „Grand-Hôtel“ на главную улицу; требуемъ литръ сливокъ и земляники, и заказываемъ экипажъ въ Бордегардтъ, имѣя въ виду посѣтить деревню, въ которой будущій король Франціи, Людовикъ-Филиппъ прожилъ годъ во время террора. Эта мѣстность въ тѣ времена была мало доступна и никто не догадывался, что, подъ псевдонимомъ Мюллера, учителя иностранныхъ языковъ, скрывался французскій принцъ, которому суждено было носить корону.

Хозяинъ гостиницы „Grand-Hôtel“, въ прошломъ году увѣрявшій насъ, что онъ австріецъ, заставилъ насъ заплатить 4 франка за поллитра сливокъ и столько-же за кило лѣсной малины (земляника въ этихъ широтахъ не растетъ). Малина была желтовата на видъ, не аппетитна, но, несмотря на это, онъ ее продавалъ за самую лучшую*).

*) Малины въ Сѣверной Норвегіи нѣтъ; очевидно графу Милевскому подали морошку.
Замѣч. переводчика.

Нашъ поваръ Росси сперва выражалъ сомнѣніе относительно этихъ ягодъ, но въ концѣ-концовъ, ворча, унесъ провизію; одинъ изъ насъ замѣтилъ хозяину, что онъ беретъ американскія цѣны и брать по 4 франка за поллитра сливокъ соотечественнику, по меньшей мѣрѣ, не прилично. — „Соотечественникъ?—вовсе нѣтъ, я изъ Гамбурга“. По наружности, его предки безпорно изъ Іерусалима, а посему онъ воленъ называть себя нѣмцемъ, австрійцемъ, французомъ, смотря какъ ему выгоднѣе.

За 4 кроны садимся въ экипажъ, запряженный парой дорожныхъ пони, въ 20 минутъ доставившихъ насъ въ Бордегардтъ. Бордегардтъ совсѣмъ маленькая деревушка, съ деревянными домами, окрашенными въ различныя краски, съ небольшою церковью, на половину каменною, на половину деревянною, окруженной лѣскомъ малорослой березы съ кривыми хиломи стволами и очень мелкими листьями. Въ этой мѣстности и такія березки носятъ наименованіе лѣса. Никакихъ слѣдовъ о французскомъ принцѣ не осталось, никто ничего не знаетъ и не слыхалъ о немъ, и если-бы не завѣренія проводника, возможно было-бы предположить, что Людовикъ—Филиппъ никогда сюда не ступалъ ногою.

Дѣлаемъ фтографическіе снимки мѣстности и возвращаемся на судно. Въ то время, когда мы слѣдимъ за нагрузкою угля, раздается эхо страшнаго взрыва; отъ сотрясенія воздуха зазвенѣли стекла „Литвы“. Это общественное управленіе взрываетъ динамитомъ гранитныя скалы и изъ ихъ осколковъ сооружаетъ волноломъ для огражденія цѣлой флотиліи лодокъ, принадлежащихъ ловцамъ сельдей, скуенныхъ въ небольшой гавани, гдѣ онѣ нерѣдко разбиваются при юго-западномъ вѣтрѣ. —Это очень полезное дѣло, такъ какъ, при наступленіи лова, сотни лодокъ ожидаютъ здѣсь момента, чтобы двинуться для лова сельдей по сигналу, данному по телеграфу, проведенному по всему берегу.

Было уже очень поздно, когда кончили погрузку угля; команда мыла палубу, которая, благодаря теплomu вѣтру, скоро высыхала; а мы тѣмъ временемъ сидѣли на складныхъ табуретахъ, созерцая городъ и гавань; дома и корабли, окрашенные въ нѣжныя желто—сигарный, пуницовый, коричневый или алый цвѣта, отражаясь на гранитномъ берегу въ розовыхъ или лиловыхъ, ласкающихъ зрѣніе, отблескахъ заходящаго солнца, представляли очень красивую картину. Чайки, гаги и бакланы безбоязненно перелетали справа на лѣво, чувствуя себя, какъ дома.

25 Іюля.

Мы отчалили въ 8 часовъ въ свѣтлое, озаренное солнцемъ утро, не смотря на массу бѣлыхъ облаковъ, которыя, перепу-

тываясь, покрывали небо широкимъ кружевомъ. Въ послѣдній разъ городъ Бодэ показался намъ на поворотѣ, и мы очутились въ проливѣ, по пути въ Лофотены; справа и слѣва горы покрыты внизу густою растительностью карликовой березы, выше онѣ обнажаются и восходятъ къ небу острыми краями розоваго, сѣраго или темнаго гранита, иногда въ видѣ кратера потухшаго вулкана. Все это грандіозное зрѣлище парить въ неопредѣленномъ освѣщеніи дня; погода теплая, вѣтерокъ измѣнилъ свое направленіе, и дуетъ юго-востокъ, такъ что можно смѣло оставаться безъ пальто на мостикѣ.

Непрерывная панорама, открывающаяся передъ яхтою, способствуетъ скорому прохожденію часовъ этого дивнаго дня, и я къ своему сюрпризу узнаю, что уже болѣе часа какъ мы пересѣкаемъ большой морской рукавъ, отдѣляющій съ юга материкъ отъ острововъ Лофотенскихъ.

Высокая цѣпь горъ одинаковаго вида представляетъ фонъ темнаго цвѣта; колоссальное сплошное низкое облако, перлового цвѣта въ тѣни и блестящее перламутромъ при освѣщеніи, составляетъ продолженіе этихъ горъ, вершины коихъ имѣютъ видъ пѣтушьяхъ гребешковъ, выгравированныхъ на небосклонѣ. Эта длинная пелена, какъ въ живой картинѣ, мало-помалу подымается, заслоняя вершины и открывая базу Лофотеновъ, будто прячется за солнце, лучи котораго освѣщаютъ намъ на нѣсколько сотъ метровъ дикій проходъ Ротзунда съ его колоссальными утесами. По этимъ утесамъ цѣпляются, какъ кисейные шарфы, облака; въ то-же время, внизу передъ нашими глазами, волнующееся море принимаетъ черный цвѣтъ.

Это такъ поразительно и неожиданно, точно перемѣны декорацій въ очаровательной фееріи.

Не покидая мостика, мы не перестаемъ любоваться все смѣняющимися въ теченіе цѣлыхъ часовъ все новыми, всегда величественными панорамами. Горы слѣдуютъ за горами, полныя контрастовъ, розовыя и сѣрыя при освѣщеніи, темныя и фіолетовыя въ тѣни, становясь угрюмыми по мѣрѣ того, какъ окутываются въ туманъ.

Затѣмъ „Литва“ переходитъ лабиринтъ едва выступающихъ надъ волнами маленькихъ острововъ и островковъ, устьянныхъ островочными гранитными рифами, и входитъ въ узкій проходъ, отдѣляющій на сѣверѣ архипелагъ Лофотеновъ отъ Норвежскаго берега. Насъ снова заключили испещренные темно-зеленою березою горы, внизу коихъ разстилаются свѣтло-зеленаго цвѣта поляны съ хорошенькими, окрашенными въ розовую краску, какъ бы игрушечными домиками. Выше снѣжныя вершины спускаютъ серебряными нитями безчисленные каскады, а далѣе просвѣчиваетъ блѣдно-голубого цвѣта свѣтлое небо.

Потомъ проливъ опять расширяется. Солнце садится за горы, тонкія полоски облаковъ принимаютъ розовый съ золотымъ отблескомъ колоритъ. 10 часовъ вечера, а все еще свѣтло; но, мало-по-малу, красныя облака становятся лиловыми, затѣмъ фіолетовыми, горы покрываются тѣнью и будто исчезаютъ въ синей громадѣ.

Послѣ полуночи, усталый и озябшій, (на градусникѣ всего 6° выше нуля) я спускаюсь въ свою каюту. Небо, горы, море и облака исчезли въ голубой декорации; яхта, вышедшая въ море, плыла какъ бы въ тверди небесной.

Думаю, что кому не приходилось видѣть подобной панорамы, тотъ не можетъ себѣ представить того чарующаго впечатлѣнія, которое испытываетъ человѣкъ при созерцаніи подобныхъ свѣтовыхъ явленій.

26 іюля.

Утро пасмурное, небо сѣрое, низкія, сплоченныя какъ будто въ громаду льда, тучи заслоняютъ горизонтъ; онѣ стелются по линіи высокихъ, гранитныхъ береговъ, и только послѣ 12 часовъ солнце разсѣваетъ ихъ и освѣщаетъ неизмѣнно грандіозный, окружающій насъ, пейзажъ. Экскурсіонный пароходъ „Мира“ обгоняетъ насъ на пути къ Нордкапу. Это послѣдній рейсъ его въ нынѣшнемъ году.

Опять выступающіе направо и налево кружевные гребни, потухшіе кратеры, глыбы взрытаго, точно киркою, камня, расколотаго и разбросаннаго вулканическими переворотами во всѣ стороны; вся мѣстность зеленовата, покрыта тонкою травою и карликовою полирною березкою, принимающею все болѣе и болѣе миниатюрный видъ.

Маковки горъ становятся доступными для глаза, горы возвышаются и растутъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ сѣверу.

Вечеромъ погода разгуливается, но солнце остается невидимымъ, оно замаскировано морскимъ туманомъ, продолжающимъ заслонять горизонтъ; и несмотря на это, свѣтло, но земля и вода становятся черными, а окружающія насъ облака пенельно-сѣрыми. Нѣтъ солнца, — нѣтъ цвѣтовъ; нѣтъ цвѣтовъ, — нѣтъ веселья.

Жутко и холодно (5 градусовъ), исчезло хорошее расположение духа.

27 Іюля.

Гаммерфестъ; бросаемъ якорь въ 8 часовъ утра. На этотъ разъ солнце освѣщаетъ миниатюрный городокъ съ его заостренною колокольнею, разрисованный всевозможными, любимыми норвежцами красками. Рядъ шкунъ, по большей части прибывшихъ изъ Россіи, съ Мурианскаго берега и изъ портовъ Бѣлаго моря, вытянулся вдоль природной набережной. Позади

громадныя массы темнаго обнаженнаго гранита, покрытаго рѣдкимъ слоемъ мха. По близости стоитъ „Мира“; множество бѣлыхъ чаекъ вьется вокругъ яхты.

Отправляюсь на почту; груда писемъ ожидаетъ меня; посылаемъ повара и людей за провизіей и выпроваживаемъ норвежца, предложившаго намъ льду по 35 франковъ за 100 кило. Найдись за такія цѣны покупатели на ледъ, Норвегія нажила-бы миллионы.

Провизія куплена, плывемъ далѣе и вотъ мы на пути къ Нордкапу.

Погода портится, сыро и темно. Безконечная туча чаекъ парить надъ нами, миллионы этихъ птицъ бросаются впереди яхты на проходящія стада рыбы. Выстрѣлы ихъ едва пугаютъ, отогнанныя форъ-штевнемъ яхты птицы слетаютъ, но возвращаются и ловятъ мелкую рыбу. Въ 7 часовъ останавливаемъ машинѣ въ маленькой бухтѣ, за вѣтромъ, чтобы пообѣдать; уходимъ въ 8 часовъ и при килевой качкѣ все приближаемся къ самой сѣверной точкѣ Европы. Туманъ сгустился, и среди него проходить къ Нордкапу, пересѣкая намъ путь, „Мира“, спускаетъ на берегъ пассажировъ, которыхъ мы ясно различаемъ на утесѣ. Махая платками, они привѣтствуютъ насъ, мы отвѣчаемъ тѣмъ-же и, ради развлечения этихъ храбрецовъ, обреченныхъ тамъ зябнуть въ ожиданіи полуночнаго солнца, пускаемъ нѣсколько ракетъ.

Нордкапъ своею темною массою мнѣ представляется менѣе величественнымъ, чѣмъ въ прошломъ году; и только для очистки совѣсти остаюсь на мостикѣ до четверти перваго, ничего не видя кромѣ тумана, низкихъ облаковъ и профили темныхъ, черныхъ утесовъ. Сѣрый день, вѣроятно, еще болѣе непріятенъ молодымъ туристамъ „Мира“, которые въ надеждѣ видѣть закатъ солнца въ полночь, взбираются по скаламъ и должны спускаться по скользкой и сырой крутизнѣ, при чемъ, потерявъ 8 дней на поѣздку и истративъ по крайней мѣрѣ тысячу франковъ, дрожать отъ стужи безъ всякаго результата.

28 іюля.

Вардѣ. Открытый рейдъ; портъ мало защищенъ небольшою стѣною, сложенною изъ камня; много рыбаковъ и нѣсколько пароходовъ. Въ городѣ миниатюрныя деревянныя дома, вымазанные желтой и свѣтло-красной охрою. Горизонтъ окаймленъ обнаженными утесами; въ видѣ контраста на крышахъ зелень: ветхіе дома покрыты по большей части дерномъ, поросшимъ высокою, густою травою. По всему порту, вмѣсто набережной, тянутся въ линію жалкаго вида навѣсы на сваяхъ.

Страивъ якорь, ѣдемъ на паровомъ катерѣ, отыскивая мѣсто, гдѣ бы высадиться на берегъ. Отвратительный запахъ гнилой рыбы и старыхъ кожъ раздражаетъ насъ и не поки-

даетъ насъ, пока ходимъ по городу. Вездѣ, направо и налѣво, жерди, на конхъ сушатся сельди и треска, и бочки съ разлагающеюся вонючею тресковою печенюю. — Говорятъ, жиръ, добываемый изъ печени трески, вылѣчиваетъ нѣкоторыя болѣзни; но вѣрно то, что одинъ видъ матеріаловъ, изъ которыхъ готовятъ этотъ жиръ, можетъ отбить всякую охоту когда либо пользоваться этимъ лѣчебнымъ средствомъ.

Между тѣмъ посреди этой грязи и вони живутъ люди, женятся и, вѣроятно, существуетъ любовь и поэзія; въ юношескомъ пылу влюбляются даже между бочкою сельдей и лоханью съ тресковою печенюю! Какъ бы въ подтвержденіе этихъ мыслей, придя на почту, съ платками у носа, видимъ исполняющихъ обязанности почтовыхъ чиновниковъ двухъ молодыхъ, хорошихъ, лѣтъ двадцати, дѣвушекъ; одна блондинка, другая свѣтлорусая; глаза у обѣихъ голубые и розовые ротки; одѣты онѣ въ черныя короткія платья. Безъ сомнѣнія, онѣ любятъ и любимы.

Австрійскаго консула въ этомъ захолустномъ городѣ нѣтъ, агентами другихъ державъ состоятъ торговцы рыбою и углемъ. Только Россія имѣетъ своего спеціальнаго консула, котораго мы и пошли навѣстить съ нашимъ переводчикомъ Бергманомъ. Консула мы застали дома; это благовоспитанный молодой человѣкъ, много путешествовавшій; онъ бывалъ въ Австріи, проведъ зиму въ Триестѣ и въ Поло. Онъ мнѣ далъ всѣ необходимыя указанія и объяснилъ, между прочимъ, что для Вардэ, гдѣ 6 недѣль тому назадъ были еще горы снѣга и мѣсяца черезъ два опять нападетъ снѣгъ, температура +6 град. 28 Іюля благодать; если-бы здѣсь было также тепло, какъ на югѣ, то люди задохлись бы посреди разлагающихся рыбныхъ отбросовъ. Онъ прожилъ тамъ пять лѣтъ и не только не умеръ, а чувствуетъ себя довольно хорошо; впрочемъ, нужно замѣтить, что онъ проводитъ здѣсь лишь четыре мѣсяца „чуждаго“ сезона и возвращается въ Россію на остальное время года.

Еще очень недавно почта приходила сюда одинъ разъ въ двѣ недѣли. Городъ, впрочемъ, цивилизуется, есть телефоны, но нѣтъ ни сноснаго хлѣба, ни чистой воды для питья; хлѣбъ, какъ по всей Сѣверной Норвегіи, похожъ на сырую губку, приторный и содержитъ въ себѣ примѣсь картофельнаго крахмала; вода, которую намъ предлагали въ старыхъ сельдяныхъ боченкахъ и считаютъ прѣсною, сладковата и стоитъ 30 франковъ бочка, такъ что мы вынуждены были поподнить наши паровые котлы морскою водою. Вообще жизнь въ Вардэ не привлекательна, санитарныя условія невозможны, жители не имѣютъ представленія о самыхъ примитивныхъ потребностяхъ нынѣшняго вѣка; здѣсь нѣтъ ни овощей, ни фруктовъ, ни цвѣтовъ и проч.

Нужно думать, что здѣсь мало что измѣнилось съ тѣхъ поръ, когда Вардэ была Датскою крѣпостью, сооруженною противъ лопарей; нынѣ двѣ дюжины солдатъ стерегутъ лишь остатки стараго форта. Центръ, къ которому тяготѣтъ теперь Сѣверный Финмаркенъ, уже не Норвежскіе города Тромсэ и Тронггеймъ, а Архангельскъ; это тяготѣніе было-бы еще сильнѣе, если-бы не русскіе порядки — таможенная волокита, паспортная система и т. п.

Возвращаемся на судно, куда насъ преслѣдуетъ до самыхъ каютъ запахъ рыбы и тресковой печени.

29 Іюля.

Все одно и то же, тотъ-же запахъ рыбы, то-же волненіе, тотъ-же вѣтеръ. Мы заканчиваемъ наши приготовленія къ отъѣзду. Командиръ русскаго парохода, совершающаго срочные рейсы между Вардэ и Архангельскомъ, прибывшій къ намъ по порученію консула, доставилъ необходимую намъ карту Кольскаго залива, вѣдомость часовъ прилива и отлива въ Бѣломъ морѣ и на Мурманскомъ берегу и сообщилъ намъ очень важныя для насъ указанія по поводу сильнаго теченія, встречающагося при входѣ въ горло Бѣлаго моря.

Отдаемъ ему визитъ на его суднѣ, большомъ, изящномъ новомъ пароходѣ „Императоръ Николай II“, недавно построенномъ въ Англіи. Этотъ пароходъ имѣетъ обширный трюмъ для товаровъ, просторныя каюты, большой салонъ, курительную комнату и библіотеку. Никто впрочемъ изъ пассажировъ еще не спрашивалъ книгъ, рассказываетъ намъ капитанъ, но что дѣлать, нужно сообразоваться съ духомъ времени. Откланиваемся съ этимъ привѣтливымъ человѣкомъ и отправляемся въ единственную въ Вардэ гостиницу — деревянный баракъ съ лѣстницею настолько крутою, что всего удобнѣе было-бы подыматься по ней на четверенькахъ, и съ которой надо спускаться, принимая всякія предосторожности.

Затѣмъ дѣлаемъ визитъ русскому адмиралу Макарову, одному изъ самыхъ молодыхъ и предприимчивыхъ адмираловъ въ Европѣ. Онъ ожидаетъ въ Вардэ прихода пароходовъ англійскаго коммерсанта Поппама, имѣющаго намѣреніе открыть торговля сношенія между Англіею и Сибирью. Адмиралъ Макаровъ назначенъ руководить этою экспедиціею, состоящею изъ тринадцати пароходовъ. Застаемъ его дома. Это высокій, молодцоватый господинъ съ золотистою съ просѣдою бородою, очень энергичный, усиленно занятый своимъ проектомъ достигнуть Сѣвернаго полюса при помощи ледоколовъ большой силы, по поводу чего имъ напечатана брошюра и ведутся уже переговоры. Видно, что этотъ человѣкъ принимаетъ уже очень близко къ сердцу свое дѣло, если онъ рѣшился избрать Вардэ своею главною квартирою для организаціи разныхъ экспеди-

цій и для изслѣдованія движенія льдовъ лѣтомъ между Шпицбергенемъ и Карскимъ моремъ.

Я пригласилъ адмирала и консула къ завтраку на слѣдующій день въ часъ дня, и мы заранѣе радуемся удовольствію провести нѣсколько часовъ съ образованными людьми среди этого норвежскаго рыбнаго рынка... Къ вечеру приходитъ возвратившійся со Шпицбергена большой пароходъ; онъ закрѣпляется рядомъ съ нами и защищаетъ насъ немного отъ волны. На палубѣ его заперты въ прочныя деревянныя клѣтки два бѣлыхъ медвѣдя, предназначенные главному поставщику въ звѣринцы Гаженбеку въ Гамбургѣ. Насъ долго мучили ихъ хриплые рычанія, которыя мы сперва приняли за возгласы норвежскихъ матросовъ; бѣдныя животныя, недавно пойманныя, не могутъ привыкнуть къ своей темницѣ.

Вѣтеръ свѣжѣетъ, море окрашивается чернымъ цвѣтомъ и небесная твердь покрывается тучами. Послѣ 12 часовъ идемъ спать и прощаемся съ нашими лоцманами и переводчикомъ Бергманомъ. Милый Бергманъ пробуетъ маленькою хитростью выманить у насъ лишнихъ 50 франковъ; онъ увѣряетъ, что человѣкъ его общественнаго положенія (онъ зимою шляпочникъ), не можетъ иначе путешествовать, какъ въ первомъ классѣ. Взрывъ смѣха, вызваннаго этою претензіею, вовсе не оскорбилъ его и онъ удовлетворяется выданною ему, согласно его просьбѣ, аттестаціею и бутылкою Данцигской водки, которую, въ обмѣнъ на его пожеланія намъ счастливаго путешествія и скорого возвращенія, мы ему подносимъ отъ всего сердца.

30 Іюля.

Погода все та же, небо сѣрое, море безпокойно, боковая качка, холодно. Въ часъ адмиралъ и консулъ прибыли къ завтраку; не взирая на всѣ неблагопріятныя условія въ этомъ ужасномъ сельянномъ захолустѣ, завтракъ, благодаря нашимъ усиленнымъ стараніямъ, превосходно удался. Но вѣтеръ усиливается, волна наносится бѣлыми барашками и разбивается о молъ, покрывая его пѣною. Пока мы завтракаемъ, передаютъ на берегъ еще два дополнительныхъ каната. Барометръ все падаетъ. Капитанъ еще разъ рѣшаетъ отложить выходъ и выжидать.

Послѣ кофе, въ моментъ ухода нашихъ гостей, мы воспользовались случайнымъ свѣтомъ прояснившейся части неба, чтобы ихъ фотографировать. Остальная часть дня проходитъ въ приведенія всего въ порядокъ и писаніи. Проклинаемъ Вардэ и спрашиваемъ себя, зачѣмъ пришли мы въ этотъ каторжный городъ. Къ вечеру является лоцманъ, единственный въ Вардэ, знающій будто бы берегъ Мурманъ; это помѣчено въ его аттестаціи, писанной консуломъ и удостоверяющей, что онъ

немного говоритъ по русски. Его зовутъ Майко; онъ увѣряетъ, что знаетъ берегъ, но говоритъ лишь по норвежски; единственное русское слово, которое умѣетъ произносить, это: „я не понимаю“. Лишь по знакамъ эта бестія наконецъ поняла, что намъ нуженъ переводчикъ и черезъ часъ привелъ намъ такого.

Это длинная, растрепанная, оборванная фигура, тоже норвежець, знаетъ русскій языкъ, но совершенно пьянехонекъ; его зовутъ Гонземъ; онъ шатается, теряетъ свою фуражку и въ довершеніе всего растягивается навзничъ. Его поднимаютъ, но мнѣ надоѣла эта возня и я объявляю по русски, что желаю переводчика трезваго. Онъ увѣряетъ, что въ Вардэ нѣтъ такихъ, здѣсь всѣ поголовно любятъ выпить; но уходить и вмѣсто себя присылаетъ своего племянника, веселаго мальчишку, жившаго нѣсколько лѣтъ на Мурманѣ и хорошо говорящаго по русски. Мы распорядились, чтобы лоцманъ и мальчикъ были на суднѣ къ 11 часамъ вечера, и иззябшіе отправляемся спать. Всего 3 градуса.

31 Іюля.

Проливной дождь; когда вѣтеръ немного стихъ, рѣшаемся выйти. Въ 10 часовъ „Литва“ подымаетъ якорь и оставляетъ портъ. Въ открытомъ морѣ все еще громадная волна мѣшаетъ нашему судну двигаться впередъ; поставивъ паруса, мы скользимъ по поверхности волны; удары отъ сильной килевой качки, отъ времени до времени, напоминаютъ намъ о состояніи моря. Дождь наконецъ перестаетъ около полудня, просвѣчиваетъ солнце и Реомюръ показываетъ 8 град. тепла. Это — немного для 31 іюля, но послѣ того, какъ холодъ пробиралъ насъ въ Вардэ, мы и этому рады и согрѣваемся на солнцѣ, не одѣвая шубы.

Спустя нѣкоторое время, встрѣчаемъ катовъ, три съ правой и два съ лѣвой стороны судна; бѣловатые дельфины также недалеко играютъ около форъ-штевня. Въ $\frac{3}{4}$ перваго огня Нѣмецкій мысъ Рыбацкаго полуострова и вступаемъ въ русскія воды. Въ 7 часовъ 30 минутъ вечера входимъ въ Колъскій заливъ; нашъ норвежець, до сихъ поръ занимавшійся лишь тѣмъ, что ѣлъ и пилъ, проявляетъ полную неувѣренность и въ концѣ концовъ сознается, когда прошли Екатерининскую гавань, что бывалъ въ Колѣ, но въ качествѣ пассажира, а не лоцмана, что онъ никогда не водилъ пароходовъ и плавалъ только на рыбацкомъ суднѣ.

Разсудивъ, что совершенно безцѣльно препираться съ нимъ, рѣшаемъ вернуться и попытаться отыскать русскаго лоцмана въ Екатерининской гавани, гдѣ, какъ намъ говорили въ Вардэ, приступлено уже къ сооруженію порта. Въ теченіе часа на мачтѣ развѣвался лоцманскій сигналъ, каждая 5 минутъ давали паровой свистокъ, крейсирuemъ въ заливѣ, по

счастію широкою и глубокою, по напрасно; никто не отвѣчаетъ и никто не является; рѣшаемся войти въ гавань безъ лодмана, при помощи отличныхъ англійскихъ и русскихъ картъ, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ началъ свѣжѣть. Входъ въ гавань довольно широкъ, хорошо обслѣдованъ и хорошо защищенъ, глубина болѣе 100 метровъ, безопасно, нѣтъ рифовъ.

Гавань расположена почти между отвѣсными скалами; нѣсколько окрашенныхъ красною краскою домиковъ и дюжина едва отесанныхъ бѣлыхъ бревенчатыхъ бараконъ указываютъ мѣсто будущаго города.

Налѣво на якорѣ стоитъ небольшой пароходикъ. Не слышно ни одного звука, полная тишина. Мы бросаемъ якорь, и я рѣшаюсь лично ѣхать на берегъ. Причаливъ къ пристани и взойдя по деревяннымъ, скользкимъ ступенямъ, я отправился съ двумя людьми на розыскъ; телеграфные столбы указываютъ на то, что здѣсь есть станція.

Постучавъ въ окно перваго дома, мы разбудили старую служанку; оказывается, что мы попали въ домъ Начальника мѣстной полиціи, который въ свою очередь, разбуженный, сейчасъ-же всталъ и любезно оказалъ намъ всякое содѣйствіе. Черезъ часъ я уже привезъ на шлюпкѣ русскаго лоцмана, поселившагося здѣсь; за 10 рублей онъ взялся провести насъ въ Колу, туда и обратно, и служить намъ чичероне въ этомъ городѣ. Кола считается городомъ и административнымъ центромъ.

Полночь, отходъ назначенъ въ 6, мы торопимся лечь спать.—Несмотря на покрытое облаками небо, совсѣмъ свѣтло, точно днемъ въ 12 часовъ пополудни.

1 Августа.

Въ 6 часовъ уходимъ. Оба берега Кольскаго залива—рядъ гранитныхъ утесовъ, покрытыхъ до половины березою и маленькою ёлкою; далѣе горы тоже гранитныя, но закругленныя; ложбины представляютъ пастбища бѣлаго исландскаго мха, которыми кормятъ стада оленей; благодаря холодному климату, здѣсь ничего не воздѣлывается и не сѣется. Вообще составъ грунта и видъ пейзажа напоминаютъ сѣверную Норвегію, но берега менѣе возвышены и болѣе однообразны; не видно болѣе зазубренныхъ, въ видѣ пѣтушиныхъ гребешковъ, фантастическихъ и колоссальныхъ остроконечныхъ горъ, исчезли конусообразныя вершины. За то больше растительности, камни покрыты мхомъ, безконечный низкій еловый и березовый лѣсъ темно-зеленаго цвѣта тянется по бокамъ горъ.

Все это при полномъ солнечномъ освѣщеніи, отражая берега, должно окрашивать море въ свѣтло-голубой цвѣтъ и представлять меланхолическій, но красивый видъ. На несча-

стіе вотъ уже нѣсколько дней солнце почти не показывается. Все сѣро, сѣро—темное небо, сѣро—стальное море, подъ фонъ имъ грязно-сѣрыя горы, можно сказать, „сѣрвать“ *) даже пьяный нашъ норвежецъ—лоцманъ. При этомъ пронизывающій холодный, мелкій дождикъ; вообще общее впечатлѣніе невыразимо угрюмое.

Въ 8½ часовъ останавливаемся у мыса „Дровянаго“, помѣщеннаго на картѣ. Здѣсь всего двѣ избы и три сарая, гдѣ предполагается поставить лѣсопилную машину. Такъ какъ настала рыбный промыселъ, то въ избахъ не оказалось ни одной живой души. Надо бы двинуться до Колы, но имѣя въ виду, что „Литва“ сидитъ въ водѣ 13 футовъ, мы не можемъ идти въ это время далѣе, такъ какъ отливъ весьма значительный. Бросаемъ якорь, паровой катеръ спущенъ на воду и, рассчитавъ норвежцевъ, ведемъ ихъ въ Колу; капитанъ остается на суднѣ, лейтенантъ П., два норвежца, 4 матроса и я ѣзжаемъ.

Кола въ сущности небольшая деревня, находящаяся при слияніи двухъ рѣкъ: Колы и Туломы, расположена на обширной песчаной и однообразной равнинѣ; рѣка Тулома широкая и быстрая, но полна песчаныхъ отмелей, берега ея гранитные. Высокая гора господствуетъ надъ городомъ, она отличается правильностью формы, восточный ея склонъ какъ будто искусственно обдѣланъ. Приставать къ берегу цѣлая исторія, пристань очень непріятная: теченіе замѣчательно быстрое, приходится выходить на берегъ пѣшкомъ по лужамъ и по грудѣ мокрыхъ камней, покрытыхъ скользкими морскими водорослями.—Принимая тысячу предосторожностей, лейтенантъ П. и русскій лоцманъ высаживаются; балансируя по скользкимъ камнямъ, но сохраняя равновѣсіе, они подають мнѣ руки; а два норвежца, менѣе ловкіе, скользятъ и падаютъ въ лужу при громкомъ хохотѣ мѣстныхъ жителей, пришедшихъ цѣлою толпою присутствовать при нашей посадкѣ. Норвежцамъ по дѣломъ за то, что они зло надъ нами посмѣялись—замѣталъ кто то изъ насъ,—и мы съ ними простились безъ особыхъ нѣжностей. Спустя нѣкоторое время, прибѣжали полицейскіе нижніе чины съ досками и устроили чрезъ лужи мостикъ, что дало намъ возможность попасть на землю, не промочивъ даже ногъ.

Первый визитъ почтѣ, гдѣ мы отправляемъ письма и телеграмму. Пока чиновникъ считалъ слова, я всматривался въ его правильныя черты и грустное лицо; навѣрное, это не уроженецъ Колы, подумалъ я. Откуда вы?—спрашиваю его. „Я изъ

*) Замѣч. перевод.—„Gris“, въ переводѣ „сѣрый“,—также „пьяный“; очевидно, авторъ желалъ сказать каламбуръ.

Минска, но здѣсь уже 34 года". Значить, вы полякъ—и говорю ему это на родномъ его языкѣ. Онъ поблѣднѣлъ. „Да я былъ... уже давно... болѣе 30 лѣтъ... я былъ сосланъ..." Онъ говорилъ по русски и голосъ его дрожалъ.

34 года прошло съ тѣхъ поръ, много было обнародовано амнистій, онъ свободенъ, но остался тамъ въ дади. Я не продолжалъ разговора и ушелъ кое что закупить.

Къ нашему несчастію, въ Колѣ не оказалось ни хорошаго мяса, ни масла, ни блага хлѣба. Въ то время, какъ мой лакей и лодманъ ушли купить барана, яицъ и куръ, лейтенантъ и я снимаемъ фотографіи съ нѣкоторыхъ домовъ. Бѣдные, старые, они почти разваливаются. Предположенное перенесеніе административныхъ учреждений въ Екатерининскую гавань будетъ окончательнымъ паденіемъ Колы. Улицы, впрочемъ, широкія и дворы просторные, воздухъ чистъ; послѣ смрада въ городахъ Норвегіи, это истинное удовольствіе встрѣчать людей, отъ которыхъ за 10 шаговъ не пахнетъ рыбою и печеню трески, и ходить по деревяннымъ мостикамъ, не наступая на рыбные отбросы.

Какъ во всѣхъ русскихъ мѣстечкахъ, на первомъ мѣстѣ и здѣсь двѣ каменные, выбѣленные известью, церкви, съ крышами, покрытыми желѣзомъ и выкрашенными зеленою, такъ сказать, національною краскою. Можно найти два или три двухъэтажныхъ дома, остальные одноэтажные, а дальше голая равнина.

Пока мы занимаемся фотографированіемъ, къ намъ подходитъ худощавый старикъ въ ловко на немъ сидящемъ полицейскомъ мундирѣ, записываетъ наши фамиліи и приглашаетъ насъ выпить у его стаканъ чаю; это Полицейскій Надзиратель города Колы. Онъ живетъ въ старомъ, но чистомъ и благоустроенномъ внутри домѣ, со своимъ многочисленнымъ семействомъ; дѣти получаютъ воспитаніе въ отдаленныхъ городахъ Россіи, на казенныя степендіи, которыя полагаются для чиновничьихъ дѣтей. Чай оказался очень вкуснымъ, бѣлый хлѣбъ тоже превосходный. Пока мы пили чай, Надзиратель рассказывалъ намъ, что жилъ раньше на югѣ Россіи и когда то пользовался лучшею долею. Обыкновенная исторія; жизнь была немилостива къ нему, но онъ надѣется, что для его дѣтей она будетъ болѣе удачною; у него ихъ шестеро. Сыновья и дочери удостоились всѣ получить награды въ школахъ и отецъ съ гордостью показываетъ намъ ихъ аттестаты и дипломы.

Съ сожалѣніемъ расстаемся съ гостепріимнымъ, почтеннымъ г. Орловымъ, который провожаетъ насъ до катера и, по дорогѣ, рассказываетъ намъ, что въ его уѣздѣ живутъ два богатыхъ англичанина; въ 7 верстахъ отъ города, въ те-

ченіе 6 недѣль, занимая тамъ съ проводникомъ избу, ловятъ на удочку въ изобиліи водящуюся здѣсь семгу, съ утра до вечера, и, кажется, трехъ разъ не открывали рта въ продолженіи 6 недѣль.

Пробую объяснить Орлову, что этотъ спортъ въ модѣ и что называется спортомъ вообще, но едва-ли я его убѣдилъ; богатые, имѣющіе возможность ѣздить куда хотятъ, поселяются на берегахъ Туломы въ лопарскомъ захолустѣ! Они, должно быть, не много „тронуты"—рѣшилъ онъ.

Въ теченіе этого времени отыскали намъ куръ и яицъ; цѣны чудовищныя, мѣстные обыватели съ насъ дерутъ, но такъ наивно: „да, баринъ, это дорого; но мы бѣдные люди, къ тому же сегодня воскресенье, дайте же намъ нажать нѣсколько копеекъ". Конечно, мы платимъ, счастливые тѣмъ, что достали хорошихъ куръ и свѣжія яйца, а не гнилыя, какихъ намъ всучили за еще болѣе дорогую цѣну норвежцы.

Надо было торопиться, уровень воды замѣтно падалъ и поднимался сильный вѣтеръ; прибываемъ на палубу „Литвы", смоченные брызгами, заливавшими катеръ. Яхта подымаетъ якорь и возвращается въ Екатерининскую гавань; по дорогѣ видимъ, что невозможно продолжать путь въ этотъ вечеръ; поднимается настоящая буря. Лодманъ Синеуховъ отговариваетъ, и капитанъ рѣшаетъ, что слѣдуетъ провести эту ночь въ гавани.

Бросаемъ якорь въ Екатерининской гавани, укрѣпляемся у бакана и проводимъ время, остатривая берега этого будущаго чуднаго порта, которому суждено, быть можетъ, въ будущемъ сыграть роль Кронштадта въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Пока здѣсь еще ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ бараконъ для рабочихъ и массы крестовъ. Кресты латинскіе, кресты православные служатъ знаками какъ для мореходовъ, такъ и для будущихъ сооружений.

2 Августа.

Все еще сѣрая погода, море тоже сѣро и бурно, вѣтеръ крѣпчаетъ; почтовый пароходъ, прибывающій обыкновенно утромъ въ 8 часовъ, не пришелъ. Мы идемъ на берегъ, сопровождаемые Начальникомъ мѣстной полиціи г. Гейденрейхомъ и телеграфнымъ инженеромъ, присланнымъ сюда проводить новыя телеграфныя линіи; осматриваемъ дорогу, которая проводится по гранитнымъ скаламъ взрывами динамита, будущую пристань, желѣзную дорогу системы „Дековиль", перевозающую матеріалы отъ порта до мѣста, гдѣ строятся дома. Эти господа даютъ намъ охотно всевозможныя разъясненія, но самая интересная часть ихъ рассказовъ—это сообщенія ими свѣдѣнія о лопаряхъ.

Аборигены этой страны, прежде единственные обитатели этого громаднаго края, нынѣ числомъ не болѣе 2,000 чело-
вѣкъ, лопари остались до сихъ поръ кочевниками со своими
стадами сѣверныхъ оленей, составляющихъ ихъ богатство. Это
народъ монгольскаго племени, народъ довольно смысленный,
но слабосильный. Въ началѣ XVI вѣка монахи сосѣдняго
монастыря обратили ихъ въ православіе. Но въ то же время
благодаря соприкосновенію съ русскими, къ нимъ проникло
пьянство, которое до того привилось и сдѣлалось ихъ потреб-
ностью, что всѣ—женщины и дѣти—предаются поголовно
пьянству. Большинство браковъ остаются безплодными, и не-
далеко то время, когда лопари совсѣмъ исчезнутъ. Ловкіе
охотники, они почти совсѣмъ истребили главныхъ враговъ
ихъ стада, волковъ и рысей. Лопари уважаютъ медвѣдей
отчасти изъ суевѣрія, отчасти потому, что они не могутъ вре-
дить ихъ быстроногимъ оленямъ.

Около 5 часовъ я вынужденъ прекратить прогулку; голо-
вокруженіе и ознобъ заставили меня вернуться на судно; подъ
вечеръ открылись приступы лихорадки; облатка хины, при-
нятая во время, прекращаетъ лихорадку. Почтовый пароходъ
„Ломоносовъ“ приходитъ съ 14 часовымъ опозданіемъ; ложусь
спать и послѣ хорошо проведенной ночи встаю какъ встре-
панный.

3 Августа.

Погода все еще сѣрая, но море успокоивается, барометръ
подымается и мы рѣшаемъ уйти въ 6^{1/2} часовъ вечера. Въ
3 часа „Ломоносовъ“ возвращается изъ Колы и выгружаетъ
бревна, предназначенныя на постройку новаго города. Пого-
да все еще пасмурная и холодная, температура не возвы-
шается болѣе 6 градусомъ выше нуля; рѣшаемъ захватить съ
собою нашего Синеухова, на случай, если буря или туманъ
вынудятъ насъ искать защиты въ одномъ изъ заливовъ Мур-
манскаго берега. Въ 5 часовъ онъ является, но для храбро-
сти хватилъ водки, болтливъ, фамиліаренъ и докучливъ, про-
сить пуншу, которымъ его угощали наканунѣ и пришедшагося
ему очень по вкусу. Чтобы его успокоить, я приказалъ дать
ему большой стаканъ, отъ котораго, спустя 10 минутъ, онъ
залегъ въ одинъ изъ угловъ и спокойно храпѣлъ въ свое удо-
вольствіе.

Уходимъ въ назначенный часъ, но тотчасъ по выходѣ изъ
залива огромныя океанскія волны заставили болтаться нашу
яхту, какъ орѣховую скорлупу.

4 и 5 Августа.

Два дня боковая качка не давала покоя, туманъ, дождь,
вѣтеръ, холодъ; не было никакихъ средствъ удержаться на
ногахъ, не хватившись за что нибудь, никакой возможности

подкрѣпиться ѣдою, иначе, какъ выдѣлывая эквилибристиче-
скіе фокусы, опрокидывая половину кушаній и вина на ме-
бель и одежду. Нѣкоторые люди экипажа страдаютъ морскою
болѣзнію, офицеры и я не поддаемся ей, но озлобленіе, вымок-
шіе, мы тоже изнемогаемъ. Къ этому присоединяется тревога
по случаю тумана, допускающаго только изрѣдка различать
берегъ и то только какъ бы сквозь флёръ.

Отрезвѣвшій Синеуховъ ничего не знаетъ. Это простой му-
жикъ, знающій „какъ Отче нашъ“ Кольскій заливъ, но не имѣ-
ющій никакого понятія о другихъ берегахъ по пути въ Ар-
хангельскъ, и только увѣрившій насъ въ своихъ познаніяхъ,
чтобы заработать 40 рублей. Это повтореніе, съ меньшимъ
лишь нахальствомъ, исторіи норвежца изъ Вардѣ; держимъ
курсъ по картамъ, иногда вѣтеръ разгоняетъ густой туманъ
и берегъ обрисовывается настолько, что представляется воз-
можнымъ опредѣлять нашъ путь.

По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ Бѣлому морю,
Мурманскій берегъ все понижается, голыя гранитныя его
скалы дѣлаются все менѣе волнистыми, грозные выступы, за-
зубренные и остроконечныя норвежскія горы давно исчезли.
Наконецъ, послѣ двухъ ночей и одного дня невыносимой
качки, море дѣлается болѣе покойнымъ, небо просвѣтлѣло,
предоставивъ намъ, наконецъ, давно желанный отдыхъ. Обо-
гнувъ островъ Сосновецъ, мы вошли въ Бѣлое море.

За время этого непріятнаго перехода стоить отмѣтить толь-
ко слѣдующее явленіе: 4 числа вечеромъ при переходѣ къ
мысу Городецкому обращаетъ на себя вниманіе теченіе Ле-
довитаго океана, которое встрѣчается съ такимъ-же теченіемъ
Бѣлаго моря, въ часы перемены прилива и отлива. Громад-
ныя океанскія темныя волны вздымаются пѣною, ударяясь о
короткія волны Бѣлаго моря; эти послѣднія не выдерживаютъ
напора и разбиваются о могучее теченіе Ледовитаго океана,
вода кипитъ точно въ колоссальномъ котлѣ. Это поднятіе мор-
ской воды, опасное только для небольшихъ рыбачьихъ су-
довъ, не такъ сильно дѣйствовало на яхту. „Литва“, при по-
путномъ вѣтрѣ, на всѣхъ парусахъ и при полномъ ходѣ, то
падаетъ какъ бы въ бездну, разрѣзая валъ воды и разбрасы-
вая громадныя массы бѣлой пѣны направо и налево, то съ
легкостью чайки выплываетъ по волнѣ и проходитъ этотъ
морской коловоротъ съ удивительнымъ изяществомъ.

Утромъ въ 5 часовъ останавливаемся на якорѣ. Сплош-
ной сѣлой темносѣро-голубого тумана отражается въ водѣ бѣ-
лосеребристымъ цвѣтомъ. Видъ „Бѣлаго моря“ подтверждаетъ
намъ, что оно совершенно вѣрно такъ названо. Въ дали въ
освѣщеніи выступаетъ мысъ Инецкій, откуда нашъ путь пой-
детъ на дельту Двины въ Архангельскъ. Въ часъ показывается

солнце, мы съ аппетитомъ и спокойно завтракаемъ въ первый разъ послѣ трехъ дней.

Противъ маяка „Зимнія горы“ мы встрѣчаемъ большой, нагруженный лѣсомъ, пароходъ изъ Архангельска. Берегъ приближается, и всякіе слѣды сходства съ Норвегіею исчезаютъ, нѣтъ болѣе гранита, его смѣняютъ глина, песокъ и зеленые еловые лѣса: начинается русскій пейзажъ, болѣе ровный, обыкновенно зеленый; по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ еловые лѣса близъ устья съ лѣвой стороны выступаютъ подобно колоссальнымъ тростникамъ.

Останавливаемся у одного изъ устьевъ Двины, немедленно отъ плывучаго маяка отчаливаетъ большая лодка въ 16 гребцовъ съ цѣлою арміею сидящихъ въ ней лодмановъ; они просятъ насъ взять ихъ всѣхъ на бортъ и доставить въ Архангельскъ; съ удовольствіемъ разрѣшаемъ, съ рюмкою водки въ придачу. Въ то же время солнце разсѣяло тучи, стало хорошо и тепло; черезъ нѣсколько минутъ забываемъ всѣ наши невзгоды послѣднихъ дней и при наилучшемъ расположеніи духа, веселые и довольные, входимъ въ рѣку, которая пятью рукавами впадаетъ въ море.

Берега рѣки Двины едва возвышаются надъ поверхностью воды и покрыты зелеными лугами, по коимъ пасутся на свободѣ стада хорошей породы рогатаго скота и лошади. Передъ нашими глазами стога сѣна, еловые и березовые лѣса, видъ коней послѣ того, какъ въ теченіе многихъ дней мы видѣли только голые утесы, доставляетъ истинное наслажденіе.

Вотъ, съ высокими каменными и желѣзными трубами, лѣсопильные заводы и горы распиленнаго дерева. Большіе пароходы нагружаются этимъ лѣсомъ и отвозятъ его по назначенію въ Англію и во Францію. Русскіе рабочіе, большаго роста, съ рыжими бородами, въ сапогахъ, одѣтые въ красныя рубашки, не торопясь спуютъ то тутъ, то тамъ.

Вотъ мы и въ Соломбалѣ—прежнемъ портѣ, нынѣ предмѣстѣ Архангельска; вдоль всѣхъ береговъ безконечныя горы бревенъ, сплавляемыхъ сюда по рѣкѣ Двинѣ и ея притокамъ. Громадные лѣса эксплуатируются Государствомъ, единственнымъ земельнымъ собственникомъ во всей губерніи; въ Архангельской губерніи, которая одна больше, чѣмъ вся Франція, почти нѣтъ вовсе частныхъ землевладѣльцевъ и въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ уѣздахъ насчитываютъ милліоны гектаровъ казеннаго лѣса.

Останавливаемся на нѣкоторое время передъ зданіемъ Таможни; трое служащихъ являются на судно; одинъ изъ нихъ болтливъ, другой нѣмъ, какъ рыба, третій, повидимому начальникъ, очень любезно избавляетъ насъ отъ всякаго до-

смотра, по простому удостовѣренію, что мы принадлежимъ къ признанному Правительствомъ яхтъ-клубу и не производимъ торговли. Я подписываю въ этомъ смыслѣ декларацию и мы свободно продолжаемъ путь.

Солнце спускается къ горизонту, небо блѣдно-голубое, почти металлическаго цвѣта, украшается длинными розовыми тучами. Съ лѣвой стороны судна, видны вдали освѣщенные послѣднимъ отблескомъ солнца золоченые купола церквей и монастыря, многоцвѣтные дома и цѣлый лѣсъ мачтъ: это Архангельскъ.

Проходимъ малымъ ходомъ фарватеръ, скудно обставленный малозамѣтными вѣхами. Вотъ мы у города, бросаемъ якорь приблизительно въ 200 метрахъ отъ берега и тотчасъ-же вѣтромъ наноситъ на насъ знакомую намъ вонь отъ рыбы, такъ долго преслѣдовавшую насъ въ Норвегіи.

Мы остановились какъ разъ противъ рыбнаго рынка. Нѣтъ, треска намъ и такъ уже надобно, снимаемся съ якоря и идемъ далѣе, наконецъ останавливаемся противъ большого, выкрашеннаго въ красную краску зданія, оказавшагося городскимъ театромъ. Воздухъ здѣсь чистъ, а съ другого низкаго берега пахнуло запахомъ скошеннаго сѣна.

Весело ужинаемъ въ 10 часовъ и, распорядившись по хозяйству на нѣсколько дней, счастливые, что не имѣемъ больше надобности беспокоиться о погодѣ, о вѣтрѣ, туманѣ и качкѣ, идемъ спать. Прежде чѣмъ лечь, разсчитываемся съ лодманомъ. На вопросъ, что ему слѣдуетъ заплатить, онъ намъ говорить, что это всецѣло зависитъ отъ щедрости хозяина яхты.

Спрашиваемъ, сколько платятъ самыя большіе пароходы, приходившіе сюда. Три или пять рублей—былъ отвѣтъ. Удивленные такою скромною цѣною и поблагодаривъ его за отличную службу, даемъ ему 8 рублей (20 франковъ), за что, уходя, онъ осыпаетъ насъ разными добродожеланіями. Только впоследствии мы узнаемъ, что такса за вводъ и выводъ судна составляетъ 18 рублей, которые намъ придется уплатить при выходѣ.—Когда мы спрашивали лодмана, что ему причитается, онъ ииѣлъ въ виду получить съ насъ только на чай.

6, 7, 8, 9 и 10 Августа.

Утромъ отправляюсь на почту, затѣмъ къ Губернатору Энгельгардту; несмотря на свою нѣмецкую фамилію, это чисто русскій человѣкъ. Посылаю свою визитную карточку и тотчасъ-же былъ принятъ. Губернаторъ черезъ два часа выѣзжалъ въ далекій путь по ввѣренной ему губерніи, а потому предложилъ мнѣ безъ всякихъ церемоній позавтракать съ нимъ и поговорить. Средняго роста, Губернаторъ выглядитъ моложе своихъ лѣтъ (ему болѣе 50), и производитъ впечат-

лѣніе скорѣе дѣловаго человѣка, чѣмъ высокопоставленной особы.

Послѣ завтрака онъ показалъ мнѣ свои охотничьи трофеи—живыхъ медвѣдей, одного бѣлаго, другого бураго, въ саду на цѣпяхъ, и туземныхъ самоѣдскихъ собакъ. Возвратясь въ рабочій кабинетъ, онъ далъ мнѣ изданную имъ книгу о его путешествіяхъ по Архангельской губерніи, тутъ же написалъ Настоятелю Соловецкаго монастыря письмо о моемъ туда прибытіи и рекомендовалъ меня на своихъ визитныхъ карточкахъ Городскому Головѣ и Вице-Президенту Архангельскаго общества охотниковъ.

Наша жизнь въ Архангельскѣ была однимъ изъ лучшихъ воспоминаній нашего путешествія и этимъ мы всецѣло обязаны любезности Губернатора. Впоследствии мы узнали, что это замѣчательный администраторъ, дѣятельный и усердный въ службѣ, пріятливый и участливый ко всѣмъ, кто имѣетъ въ немъ надобность.

Къ сожалѣнію, я не могъ подождать его возвращенія и лишенъ былъ возможности еще разъ съ нимъ говорить и принять его у себя на яхтѣ „Литва“.

Возвратясь къ себѣ, я засталъ своихъ спутниковъ отдохнувшими и готовыми къ экскурсіи по городу, съ которыми имъ хотѣлось ознакомиться. Заѣзжаемъ къ Городскому Головѣ В. Гувелякенъ; предки его, вѣроятно, иностраннаго происхожденія, но самъ онъ выглядитъ совсѣмъ русскимъ. Это мужественный человѣкъ, блондинъ, сразу располагающій къ себѣ; онъ указалъ намъ адреса нужныхъ намъ торговцевъ и пригласилъ насъ на прогулку въ Соломбалу для осмотра лѣсопильныхъ заводовъ, которые представляютъ главную производительную силу края.

У. г. Гувелякенъ мы знакомимся съ А. Шольцъ, обрусѣвшимъ нѣмцемъ, Вице-Президентомъ общества охотниковъ, и съ Генераломъ Владычекъ, Командиромъ Архангельской бригады. Русское радушіе сближаетъ насъ, и мы чувствуемъ себя точно среди старыхъ друзей. Всѣ эти господа, съ которыми мы нѣсколько разъ встрѣчались въ послѣдующіе дни, выказывали намъ замѣчательное вниманіе и оставили въ насъ самое лучшее впечатлѣніе.

Было рѣшено за наше пребываніе въ Архангельскѣ хорошо отдохнуть послѣ послѣдняго тяжелаго перехода и, главнымъ образомъ, хорошо ѣсть и спать. Это рѣшеніе мы добросовѣстно исполняли въ продолженіи шести дней, проведенныхъ нами въ городѣ. Для того, чтобы лучше довольствоваться, мы избрали по совѣту Городского Головы, ресторанъ „Поваръ“.

Несмотря на настоящаго хозяина, желавшаго похвастать своими знаніями французской кухни, мы рѣшили ѣсть исключительно русскія блюда и пить только русское вино. Императоръ Александръ III поощрялъ винодѣліе въ Крыму и на Кавказѣ, и производство вина приняло широкіе размѣры. Русское вино заслуживаетъ полнаго одобренія; то, которое намъ подавали во все время нашего пребыванія въ Архангельскѣ, превосходно и похоже на медокъ хорошаго домашняго приготовленія.

Мы аккуратно приходили по два раза на день въ ресторанъ, и должны признаться, что кушанья приготовлялись очень хорошо, и лучшаго питанія ждать было нельзя. Отдѣльная столовая, хорошо истопленная, показалась намъ, послѣ испытаннаго нами холода въ предшествующіе дни, превосходною.—Въ свободное отъ завтраковъ и обѣдовъ время мы осматривали городъ и дѣлали фотографическіе снимки.

Прежде всего побывали въ каѳедральномъ соборѣ. Сооруженный въ началѣ предшествовавшаго столѣтія, онъ обновлялся только внутри, гдѣ живопись носитъ современный характеръ. Священникъ показывалъ намъ въ ризницѣ, въ богатыхъ переплетахъ, отдѣланныя позолоченнымъ серебромъ Евангелія, украшенныя драгоценными камнями по русскому обычаю; митры, древніе, чудные, золотые и серебряные сосуды и замѣчательныя церковныя облаченія; изъ коихъ одно сдѣлано изъ бархатнаго плаща Петра Великаго.—На право отъ иконостаса стоять крестъ собственноручной работы Великаго Царя. Этотъ крестъ былъ имъ самимъ поставленъ на берегу Бѣлаго моря, гдѣ онъ чуть не утонулъ во время бури. По просьбѣ архангелогородцевъ этотъ крестъ перенесенъ съ берега и поставленъ въ соборѣ въ царствованіе Императора Александра I.

Прочія церкви, осмотрѣнныя нами, менѣе интересны; однако въ одной изъ нихъ привлекла наше вниманіе старая стѣнная живопись, изображающая городъ въ 1700 г. На первомъ планѣ нарисована шкуна, съ большою галлереею, похожая на Ноевъ ковчегъ, и очень сходная съ тѣми судами, которыя мы ежедневно видимъ вдоль набережной, около „Литвы“.

Одна церковь стоитъ за городомъ среди запущеннаго кладбища; надгробныя памятники расположены въ безпорядкѣ, наклонены или лежатъ на землѣ, заросшей травою. Полный контрастъ съ кладбищами, которыя я видѣлъ въ Западной Европѣ, гдѣ они представляютъ заботливо содержимые въ порядкѣ сады. Здѣсь, наоборотъ, все въ запустѣніи—кресты, плиты и даже надписи на нихъ: имя, два числа, рѣдко какое изреченіе. Въ Россіи, какъ и на Востокѣ, кладбища почти не посѣщаются. Что кончено, то кончено, камень положенъ,

надпись выгравирована, и рѣдко даже кто изъ родственниковъ придетъ навѣстить могилы и посмотреть, какъ онѣ содержатся.

Есть въ Архангельскѣ церкви и другихъ исповѣданій, двѣ англиканскія, построенныя въ тѣ времена, когда вся здѣшняя торговля была въ рукахъ англичанъ, протестанская и католическая; послѣдняя деревянная, маленькая и бѣдная, но содержится чисто и украшена трогательною заботливостью молодого настоятеля. Это сосланный сюда на 5 лѣтъ полякъ изъ Кѣлецкой семинаріи. За смертію прежняго настоятеля, ему предоставлено исполнять должность приходскаго священника. Его прихожане по большей части поляки: солдаты квартирующаго здѣсь баталіона, административные или по суду ссыльные и человѣкъ двадцать служащихъ въ разныхъ учрежденіяхъ.

Когда мы посѣтили церковь, маленькій настоятель, все время восхвалялъ Губернатора, предоставившаго ему возможные облегченія. Настоятель человѣкъ еще молодой, блондинъ, маленькаго роста и на видъ болѣзненный; онъ очень гордится порядкомъ и чистотою въ его миниатюрной церкви, но сѣтуетъ на суровость климата и надѣется въ концѣ года вернуться на родину.

Пожелавъ ему исполненія всѣхъ его желаній, мы распрощались съ нимъ и отправились на набережную посмотреть домикъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій. Низенькій, построенный изъ едва очищенныхъ бревенъ, онъ состоитъ изъ восьми небольшихъ комнатъ; онъ перенесенъ сюда нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Надъ нимъ, въ видѣ футляра, устроенъ сарай, чтобы сохранить то, что еще уцѣлѣло. Внутри абсолютно ничего нѣтъ, что могло бы напомнить Великаго Преобразователя: ни мебели, ни украшеній, ни надписи.

Музей, для осмотра котораго мы зашли въ сосѣднюю улицу, заключаетъ въ себѣ преимущественно коллекціи специальныхъ орудій рыбнаго лова и охоты, а также мѣстной домашней утвари, употребляемой въ окрестныхъ деревняхъ.

Затѣмъ ѣдемъ въ клубъ, такъ называемое „Коммерческое Собраніе“. Фасонъ извозчичьихъ экипажей достоинъ описанія: это довольно широкая скамейка, прикрѣпленная къ осамъ съ подножками съ двухъ сторонъ. Проѣзжая по улицамъ, вымощеннымъ грубымъ камнемъ, необходимо заботливо сохранять равновѣсіе, чтобы не быть выброшеннымъ, тѣмъ болѣе, что маленькія лошади бѣгутъ во всю прыть и на поворотахъ не убавляютъ хода. Послѣ того, какъ я два-три раза чуть не вылетѣлъ на тротуаръ, я помѣстился на этомъ удивительномъ экипажѣ верхомъ и такимъ только способомъ могъ усидѣть въ немъ. Это единственный способъ не вывалиться и не передомать себѣ рукъ и ногъ.

Городъ вообще довольно большой и трудно повѣрить, что населеніе его не превышаетъ 20 тысячъ жителей; дѣло въ томъ, что дома по большей части одноэтажныя, рѣдко въ два этажа, широко раскинуты, и при нихъ обширные дворы и сады. Окраска домовъ сѣро-перловаго, иногда сѣро-свѣтло-розоваго, или песочнаго цвѣтовъ; крыши, по русскому обычаю, изъ листового желѣза, выкрашены зеленою краскою.

Губернаторскій домъ и зданіе Губернскаго Управленія расположены въ центрѣ города, впереди Губернаторскаго дома скверъ съ хорошимъ газономъ и группами деревьевъ. Тутъ-же стоитъ памятникъ Ломоносова, извѣстнаго русскаго поэта, сына крестьянина изъ Архангельской губерніи. Скульпторъ, соорудившій памятникъ, изобразилъ поэта въ видѣ сухоощагого человѣка, поставленнаго на гранитный цилиндръ, полуголаго, плѣшиваго, одѣтаго въ римскую тогу; у ногъ ангелъ, совсѣмъ голый, съ лирою въ рукахъ.

Это единственный памятникъ въ Архангельскѣ и при здѣшнемъ климатѣ невольно возбуждаетъ улыбку. Будемъ надѣяться, что горожане воздвигнутъ современемъ памятникъ нынѣшнему Губернатору и что скульпторъ сохранитъ ему его костюмъ и энергичную родовую осанку, и не будетъ пытаться придать ему видъ римскаго проконсула, съ голымъ ангеломъ на придачу.

Немного далѣе Городская Дума, обширное каменное зданіе безъ особаго стиля; затѣмъ Коммерческое Собраніе, гдѣ мы проводимъ вечеръ: домъ деревянный, гдѣ помѣщается большой двухсвѣтный залъ, карточная и билліардная комнаты, буфетъ. Все это очень скромно, но просторно, чрезвычайно чисто и хорошо содержится.

На другой день отправляемся въ городской театръ, гдѣ играетъ пріѣзжая труппа. Давали „le maître de Forges“ Онэ, переведенный на русскій языкъ.

Зало театра недурно декорировано. Здѣсь мы встрѣтились съ нашимъ знакомымъ Генераломъ Владычекъ и его дочерьми; одна изъ нихъ красивая брюнетка, недавно прибывшая изъ Ревеля, гдѣ барышни получили воспитаніе.

Въ другой разъ, по приглашенію гг. Городскаго Головы и А. Шольца, мы отправились въ компаніи въ Соломбалу осмотрѣть принадлежащія имъ большіе лѣсопильные заводы; мы ѣхали на колесномъ пароходѣ „Св. Николай“. Этотъ пароходъ подаренъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ, извѣстнымъ и чтимымъ пастыремъ, крестьянамъ своего роднаго села.

Это село расположено среди лѣсовъ на рѣкѣ Пинегѣ, впадающей въ Двину, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Архангельска; лѣтомъ сношенія возможны оттуда только по водѣ. Для облегченія и улучшенія этихъ сообщеній отецъ Іоаннъ и

сдѣлалъ крестьянамъ этотъ щедрый подарокъ. Но крестьяне разсудили иначе. Подъ предлогомъ, что пароходъ слишкомъ великъ и не всегда можетъ ходить по ихъ рѣкѣ, они рѣшили продать его. А жаль, сказалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, я увѣренъ, не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, деньги святого отца попадутъ въ деревенскія харчевни.

Вообще, какъ мы слышали, пьянство есть бичъ, разоряющій съ давнихъ поръ здѣшній край: пьянствуютъ поголовно не только поморы и инородцы-лопары и самоѣды, но и русское населеніе. Холодъ, легкіе заработки, удачные промыслы, чередуясь съ нуждою, служатъ какъ бы поводомъ и оправданіемъ этого порока. Но едва-ли этими причинами можно оправдать пьянство.

Рядомъ существуютъ цѣлыя поселки русскихъ сектантовъ-старовѣровъ, коимъ правила ихъ вѣры воспрещаютъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ и это одно воздерживаетъ ихъ отъ пьянства. Пьянство непобѣдимый врагъ всѣхъ начинаній Губернатора Энгельгардта, направленныхъ къ экономическому развитію и просвѣщенію сѣвера Россіи; работа трудная, когда приходится бороться не только съ неблагоприятными климатическими и почвенными условіями, но еще и съ пороками населенія.

Несмотря на закрытіе всѣхъ кабаковъ на Мурманскомъ берегу, поморы все-таки беспросыпно пьянствуютъ, а водку имъ доставляютъ тѣ же лица, которыя ближе всего заинтересованы въ успѣхѣ промысла, чему въ значительной степени мѣшаетъ пьянство.

Говоря о дѣятельности Губернатора Энгельгардта, нельзя не упомянуть, что благодаря его трудамъ и заботамъ построена желѣзная дорога, соединяющая Архангельскую губернію съ остальною Россіею, устроены всюду телеграфы и пароходныя сообщенія и проч. Наши спутники вполне оцѣниваютъ плодотворную дѣятельность г. Энгельгардта.

Осмотренные нами заводы очень хорошо устроены, освѣщены электричествомъ и работаютъ исключительно для экспорта. Хозяева заводовъ были очень внимательны къ намъ, пригласили насъ обѣдать и проводили обратно до Архангельска.

На другой день мы отправились за городъ посмотрѣть на жилища самоѣдовъ; на двухъ извозчикахъ мы проѣхали весь городъ, потомъ большое предмѣстье и затѣмъ за городомъ по бревенчатой дорогѣ. Разбитые, мы наконецъ добрались до болотистаго пустыря, на которомъ лагеремъ стоятъ чумы самоѣдовъ.

Кто не испыталъ путешествія въ тряскомъ экипажѣ по бревенчатой мостовой, тотъ не можетъ себѣ представить этого мучительнаго и болѣзненнаго чувства—переворачиваются внутренности, мозгъ точно взбалтывается, спина болить.

Лагерь самоѣдовъ составляютъ три шалаша изъ связанныхъ жердей, покрытыхъ шкурами и древесною корою; возлѣ шалашей нѣсколько сухопарыхъ собакъ и разные отброски; внутри шалаша сидятъ на корточкахъ вокругъ огня три существа, которыя могутъ войти не иначе, какъ ползкомъ въ узкое отверстіе, замѣняющее дверь.

Это три женщины, одна изъ нихъ старая, точно мумія, отвратительная, слѣпая; прочія двѣ молодыя, но не менѣе безобразныя; всѣ онѣ имѣютъ плоскія, желтыя лица, одѣты въ оденьи шкуры, причудливо сшитыя изъ маленькихъ кусочковъ; грязь не поддается описанію. Типы вполне монгольскіе.

Трое мужчинъ живутъ въ другомъ шалашѣ, одинъ старый и два молодыхъ, смуглые бронецы. У нихъ нѣтъ, по ихъ словамъ, опредѣленныхъ занятій; занимаются самыми легкими работами при скотобойняхъ и ѣдятъ сырое негодное мясо и разные отбросы.

Они, вѣроятно, погибли-бы, если-бы прохожіе не подавали имъ милостыни, которую они по большей части пропиваютъ: водка—это единственная ихъ страсть. Впрочемъ, они вовсе не стремятся вернуться къ своимъ сородичамъ, обитающимъ по берегамъ рѣки Печоры, увѣряя, что тамъ имъ жить хуже.

Кромѣ самоѣдскаго языка, на которомъ они говорятъ между собою, они знаютъ и русскій языкъ; трудно было объяснить имъ, что мы намѣрены снять съ нихъ фотографію и что для этого необходимо выйти изъ шалаша. Нѣсколько серебряныхъ монетъ и убѣжденія какого то оборванца, откуда-то появившагося и повидимому давно имъ знакомаго, заставили ихъ выйти наконецъ изъ шалаша. Мы ихъ сфотографировали большимъ аппаратомъ вмѣстѣ съ нашимъ капитаномъ для сравненія роста этихъ чудовищъ.

Нашъ до сихъ поръ услужливый оборванецъ дѣлается все болтливей и надоедливѣе, объясняя, что его имя Трофимъ, сынъ Алексѣя, уроженецъ Новгорода, по профессіи сапожникъ, а специальность—пьянство; требуетъ, чтобы съ него тоже сняли фотографію. Ни увѣщанія, ни предложенныя ему деньги, чтобы онъ удалился, не дѣйствуютъ,—пришлось угрожать палками. Шатаясь, онъ наконецъ удаляется со всевозможными ругательствами и, пройдя немного, спотыкается и падаетъ. Спустя полчаса, уложивъ наши аппараты въ ящики, мы ушли, а онъ все еще лежалъ на дорогѣ.

Въ городѣ мы сфотографировали еще каедральный соборъ и памятникъ Ломоносова; здѣсь тоже пьяные назойливо желали позировать передъ аппаратомъ,—это, повидимому, мѣстная страсть. Затѣмъ отправляемся ужинать въ ресторанъ

„Поварь“ и довольно рано возвращаемся на яхту, такъ какъ на завтра назначенъ отходъ изъ Архангельска.

11 Августа.

Утро пасмурное и дождливое; до отъѣзда отправляемся къ мѣховщикамъ, съ намѣреніемъ сдѣлать нѣсколько покупокъ. Оказалось у нихъ товара не много. Они объясняютъ это тѣмъ, что прежде самоѣды охотники продавали кожи убитыхъ животныхъ русскимъ скупщикамъ и купцамъ въ Мезени и на Печорѣ; въ настоящее-же время Губернаторъ Ангельгардтъ распорядился, чтобы самоѣды съ Новой земли сдавали свой промыселъ чиновнику для продажи официально съ торговъ.

Дѣло въ томъ, что самоѣды безбожно эксплуатировались скупщиками, которые расплачивались съ ними водкою, хлѣбомъ и другими предметами по произвольно высокой цѣнѣ. Вслѣдствіе такой эксплуатации, положеніе самоѣдовъ все ухудшалось, они чуть не умирали отъ голода и спивались. По распоряженію Губернатора, принятые отъ самоѣдовъ шкуры продаются теперь съ аукціона въ Архангельскѣ подъ личнымъ его наблюденіемъ; на вырученные деньги самоѣды снабжаются хлѣбомъ, оружіемъ и всѣмъ для нихъ необходимымъ по настоящей цѣнѣ. Остатки разносятся по личнымъ счетамъ каждого и вносятся въ банкъ.

Продажа мѣховъ происходитъ въ іюлѣ мѣсяцѣ; часть мѣховъ приобрѣтается московскими покупателями. Въ Москвѣ изъ шкуръ бѣлыхъ медвѣдей выдѣлываютъ ковры съ головами со вставленными стеклянными глазами. Лучшія шкуры впоследствии попадаютъ въ Парижъ и Лондонъ, гдѣ ихъ продаютъ по 1500, 2000 франковъ и дороже. Самыя большія и лучшія кожи бѣлыхъ медвѣдей сырьемъ стоятъ въ Архангельскѣ 150 руб. или 400 фр.

Все-же мы купили на память нѣсколько туфель и муфтъ изъ оленьей кожи, тюленья куртки; въ послѣдній разъ позавтракали въ ресторанѣ „Поварь“ и въ два часа отправились на яхту.

Уходимъ въ 5 час. при пасмурной и сырой погодѣ. Дуетъ свѣжій вѣтеръ; у плавучаго маяка высаживаемъ лоцмана, того самого, который получилъ съ насъ на чай. Держимъ путь на Соловецкіе острова; волна сильная и только на другой день утромъ, когда мы обогнули Жижгинскій маякъ и повернули къ югу, стало спокойнѣе.

12 Августа.

Рано утромъ „Литва“ остановилась въ виду Соловецкихъ острововъ. Вдали видны купола и кресты монастыря. Не смотря на свистки и на поднятый на мачтѣ лоцманскій сигналъ, долго никого не можемъ дожидаться. Бросаемъ якорь и стоимъ подъ парами, рѣшивъ, если лоцманъ въ теченіе двухъ

часовъ не придетъ, ѣхать за нимъ въ шлюпкѣ на берегъ. Наконецъ, онъ явился, и мы продолжаемъ путь тихимъ ходомъ.

Описавъ полукругъ и пройдя между небольшими островами, входимъ въ очень хорошенскую, тщательно отдѣланную небольшую гавань; останавливаемся у набережной, рядомъ съ большимъ монастырскимъ пароходомъ, украшеннымъ православныхъ крестомъ. Гавань носитъ названіе—гавани „Благополучія“. Передъ нами высокая круглая башня и толстая стѣна, сложенная изъ огромныхъ гранитныхъ глыбъ—это старая крѣпость.

Крыши на башняхъ покрыты желѣзомъ, выкрашеннымъ красною краскою. За стѣною расположены бѣлыя зданія монастыря и церкви, покрытыя также желѣзомъ, но окрашенныя въ свѣтло-зеленый цвѣтъ. Надъ ними возвышаются колокольни и купола съ позолоченными крестами, уходящими высоко къ небесамъ. Это Соловецкѣ.

Соловецкій монастырь одна изъ самыхъ чтимыхъ русскихъ святынь. Десятки тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ Имперіи перебиваются въ монастырь за время навигаціи въ теченіе трехъ—четырехъ мѣсяцевъ, принося монастырю свои посильныя лепты.

Настоятель прислалъ къ намъ своего Намѣстника, который отъ имени Архимандрита поздравилъ насъ со счастливымъ прибытіемъ и пригласилъ насъ къ нему на чашку чая. Въ сопровожденіи Намѣстника, почтеннаго старца съ сѣдою бородою, отправляюсь по цѣлому лабиринту дворовъ и корридоровъ къ Настоятелю. Офицеры остались на яхтѣ, чтобы отдохнуть послѣ ночныхъ трудовъ.

Келейникъ отворилъ намъ двери, и я прохожу нѣсколько залъ, наполненныхъ фотографіями, географическими картами, планами и портретами. Меблировка скромная, но во всемъ замѣчается чистота и опрятность. Передъ окнами растенія въ кадкахъ. Громадныя русскія печи поддерживаютъ пріятную теплоту, чувствуется сильный запахъ ладона. Въ общемъ помещеніе похоже на квартиру священника въ хорошемъ приходѣ у насъ.

Спустя нѣсколько секундъ отворяется дверь и ко мнѣ выходитъ Настоятель монастыря, Архимандритъ Іоаннакій. На видъ онъ кажется еще очень молодымъ, его правильныя черты лица окаймлены темнорусою бородою, его тщательно расчесанные густые волосы, также русые, длинными прядями падаютъ на черное одѣяніе. На головѣ высокій черный клобукъ, а съ клобука креповое, тоже черное, покрывало спускается до талии.

Настоятель есть начальникъ монастыря, которому принад-

лежать всѣ Соловецкіе острова. При участіи пяти совѣтниковъ, онъ управляетъ своимъ маленькимъ государствомъ почти неограниченно. — Пріемъ былъ самый радушный; удостоивъ меня Епископскаго благословенія, по древнему обычаю, наложениемъ рукъ на преклоненную голову, о. Архимандритъ предложилъ мнѣ чаю; при чемъ мы разговаривали о плаваніяхъ „Литвы“, о высокопоставленныхъ лицахъ, посѣщавшихъ монастырь: двухъ русскихъ Великихъ Князейхъ и недавно почившемъ Герцогѣ Гамилтонѣ.

Благодаря, вѣроятно, рекомендаціямъ Губернатора, отецъ Архимандритъ, не стѣсняясь, пригласилъ меня присутствовать завтра на торжественномъ богослуженіи по случаю праздника „Водосвятія“, а послѣ церковной службы на обѣдъ въ трапезную; разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть и фотографировать все, что мнѣ угодно, и на время моего пребыванія въ монастырѣ предоставилъ въ мое распоряженіе экипажи и монаха въ качествѣ чичероне.

Возвратясь на яхту, я уже засталъ на пристани экипажъ, запряженный парюю толстогривыхъ малорослыхъ лошадей. На козлахъ за кучера сидитъ тоже монахъ; полною рысью мы отправились на ферму монастыря, расположенную въ 14 километрахъ отъ него. Къ фермѣ проложено шоссе изъ битаго гранита, а черезъ проливъ между двумя островами устроена каменная дамба. Ферма снабжаетъ монастырь молокомъ 4 раза въ недѣлю. Въ остальные дни пища монаховъ состоитъ изъ хлѣба и овощей; мяса они вовсе не ѣдятъ во всю свою жизнь.

Дорога хорошо содержится и пролегаетъ по сосновому и березовому лѣсу; мохъ и небольшой слой растительной земли покрываютъ гранитные утесы; дорога утрамбована мелкимъ камнемъ съ пескомъ и глиною. Въ лощинахъ вода отъ таянія снѣга образовала резервуары прѣсной воды; 500 большихъ и малыхъ озеръ занимаютъ значительную часть всей поверхности Соловецкихъ острововъ; эти озера, говорятъ, изобилуютъ рыбою. Суровый климатъ и каменистая почва затрудняютъ ростъ деревьевъ. По берегамъ озеръ луга, тщательно обработанные монахами, даютъ сѣно, котораго хватаетъ на прокормленіе 500 головъ монастырскаго скота со включеніемъ и лошадей.

Эти свѣдѣнія сообщены мнѣ моимъ чичероне, отцомъ Василіемъ, дороднымъ смуглымъ монахомъ, 40 лѣтъ, съ черною какъ смоль бородою, прибывшимъ еще юношею въ монастырь, около 25 лѣтъ тому назадъ. Рассказывая о своей судьбѣ, о тихой монастырской жизни, этотъ уроженецъ киргизскихъ степей у береговъ Каспійскаго моря вовсе не сожалѣетъ о вольной жизни въ родныхъ степяхъ.

Такъ и кажется, что все то, что окружаетъ насъ, дышитъ также счастливымъ покоемъ и тишиною; деревья въ никогда не касался топоръ, монахи только отламываютъ сухіе сучья; при нашемъ проѣздѣ по сторонамъ дороги спокойно бѣгаютъ зайцы и лисицы, ничего не опасаясь; они никогда не слышали ружейнаго выстрѣла; безцеремонныя чайки разгуливаютъ какъ домашнія птицы: когда мы къ нимъ подходимъ, онѣ, не безпокоясь, едва отступаютъ съ дороги и хватаютъ изъ рукъ поданный хлѣбъ.

Экипажъ нашъ быстро мчитъ, пейзажъ довольно однообразный: озера, лѣса, утесы, опять озера и лѣса; наконецъ, пріѣзжаемъ на ферму. Деревянные зданія, почернѣвшія отъ времени, самыя простыя, но отлично приспособлены для своего назначенія. Живущіе на фермѣ монахи исполняютъ при помощи цѣлой толпы мальчиковъ необходимыя работы.

Эти мальчпкп, а иногда и взрослые прибываютъ сюда изъ разныхъ русскихъ деревень; существуетъ обычай, по которому родители даютъ обѣты и отсылаютъ своихъ сыновей на годъ потрудиться на пользу монастыря — по случаю неожиданнаго исцѣленія отъ болѣзней, спасенія отъ грозившей опасности и т. п. Они прибываютъ въ монастырь весною, отпускаютъ по монастырскому обычаю длинные волосы, одѣваютъ черную скуфью и сѣрый монастырскій подрясникъ. Глубокая вѣра и любовь къ Богу дѣлаютъ ихъ усердными и послушными работниками.

Даровой трудъ этихъ 600 или 800 добровольцевъ рабочихъ служить однимъ изъ весьма важныхъ источниковъ благосостоянія монастыря. Другой источникъ доходовъ составляютъ приношенія богомольцевъ, которыхъ перебиваетъ въ монастырѣ отъ 17 до 20,000 въ годъ. Многие изъ мальчиковъ, пришедшихъ сюда въ возрастѣ отъ 16—17 лѣтъ, возобновляютъ обѣты еще на годъ, потомъ остаются иногда въ монастырѣ на всю жизнь.

Вѣчные обѣты могутъ быть даны не ранѣе, какъ по наступленіи по крайней мѣрѣ 30-лѣтняго возраста. Давшіе ихъ по большей части на долто остаются кандидатами на монашескій чинъ, при чемъ вовсе необязательно сдѣлаться іеромонахомъ. Въ этотъ санъ посвящаются обыкновенно въ 50-лѣтнемъ возрастѣ. Монаховъ, которые посвятили себя самому суровому воздержанію въ ожиданіи смерти, называютъ схимниками.

Главные правила монастырской жизни заключаются въ абсолютномъ отреченіи отъ міра и безусловномъ послушаніи; бываетъ такъ, что монахъ, изучившій богословіе, посвященный въ священническій санъ, отправляется безпрекословно, по распоряженію начальствующихъ лицъ, убирать хлѣва, или на-

оборотъ, оставляя столярную мастерскую или конюшню, назначается обучать послушниковъ.

Болѣе способные или болѣе прилежные, изучая десятки лѣтъ богословскія науки, приобретаютъ мало-по-малу замѣчательныя познанія и достигаютъ высшихъ ступеней монастырской іерархіи, какъ напримѣръ, нынѣшній Архимандритъ; ему съ небольшимъ 40 лѣтъ, и пришелъ онъ въ монастырь какъ юный Виселемскій пастухъ. Это, впрочемъ, исключеніе, большинство далѣе низшихъ послушаній и первоначальнаго обученія не стремятся.

Привзаніе къ монастырской жизни очевидно у всѣхъ совершенно искреннее, соединенное съ твердой вѣрой въ Божье предопредѣленіе, при отреченіи отъ міра, ничто земное ихъ не прельщаетъ; молитва и ручной трудъ занимаютъ всѣ ихъ помыслы. Здѣсь немыслимо также властолюбіе, какъ напр., въ католическихъ монастыряхъ; здѣсь нѣтъ власти, нѣтъ богатства, нѣтъ вліянія за стѣнами монастыря, почти нѣтъ общенія съ внѣшнимъ міромъ.

Въ этой пустыни люди двѣ трети года отдѣлены отъ материка. Только при непоколебимой вѣрѣ можетъ явиться желаніе жить въ уединеніи на этихъ замороженныхъ островахъ и проводить время въ постоянномъ постѣ и мысленной молитвѣ въ бѣдной келіи.—По возвращеніи съ поѣздки отецъ Василій показалъ намъ свою келію. Постель, столъ, три стула, умывальникъ и аналой, вотъ и все; комната занимаетъ пространство въ 6 метровъ и выкрашена бѣлою краскою; крошечное окно, куда залетаютъ иногда голуби, чтобы поклевать изъ рукъ монаха крошки хлѣба, вотъ единственное развлеченіе въ этой могилѣ.

Затѣмъ въ сопровожденіи отца Василія посѣщаю разныя монастырскія зданія. Всюду длинныя корридоры, деревянныя лѣстницы, низкіе своды. Къ сожалѣнію, новая окраска уничтожила интересныя, быть можетъ, слѣды прошлаго времени. Впрочемъ, общій характеръ сооруженій Соловецкаго монастыря не имѣетъ какого либо своеобразно законченнаго стиля, какими отличаются религіозныя памятники въ католическихъ странахъ.

Тутъ нѣтъ ничего подобнаго; вы видите толстыя изъ кирпича и камня стѣны съ едва достаточными отверстіями для свѣта и воздуха. Окна и двери неодинаковыя, расположены безъ всякой симметріи. Все вниманіе и искусство при вооруженіи монастыря было посвящено на украшеніе образовъ. Святые изображены въ одинаковыхъ позахъ, съ черными и устремленными на васъ глазами, въ накиннутыхъ плащахъ.

Образа нерѣдко покрыты серебряными и золочеными ризами. Когдаходишь въ какую либо монастырскую церковь,

гдѣ въ тѣни подъ мрачными сводами сіяетъ въ серебрѣ и золотѣ громадный высокій иконостасъ, видъ храма поражаетъ своимъ величіемъ, а изобиліе толстыхъ восковыхъ свѣчей и лампадъ, которыя освѣщаютъ иконы, приводятъ къ молитвенному настроенію.

Къ несчастію, почти всюду, рядомъ съ чудными серебряными издѣліями и иконографіею почетной древности, появляются украшенія новѣйшаго времени: дурно написанные образы и дешевыя издѣлія московскихъ фабрикъ. Увы! поддѣлка подъ благородный византійскій стиль производить жалкій видъ. Когда русскіе пожелаютъ возстановить подобающее величіе своей святыни, имъ придется прежде всего снять все то, что было испорчено въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Выйдя изъ подъ сводовъ—низкихъ тамъ, гдѣ живутъ люди, и колоссальныхъ—гдѣ поклоняются Богу, я съ отцомъ Василіемъ выхожу изъ монастыря и наслаждаюсь величественнымъ видомъ природы, окружающими монастырь берегами и морскою далью; прихожу на яхту, офицеры которой, наконецъ, встали и отдохнули. Наступилъ сѣверный вечеръ; блѣдный день безъ ночи. Мы вмѣстѣ прогуливаемся по берегу; полная луна золотыми блестками отражается въ легкой морской зыби, въ каждой легкой волнѣ, которая медленно подходитъ и замираетъ у нашихъ ногъ. И намъ здѣсь хорошо, хорошее чувство овладѣло всѣми нами.

13 Августа.

Сегодня праздникъ водоосвященія. Послѣ торжественнаго богослуженія въ соборѣ духовная процессія, сопровождаемая массою богомольцевъ, направляется къ ближайшему озеру, неся крестъ, который послѣ произнесенія молитвъ погружается въ воду.

Вставъ въ 7 часовъ и направивъ нашъ самый большой фотографическій аппаратъ на то мѣсто, гдѣ должна прослѣдовать процессія, идемъ къ обѣднѣ, которую служить самъ Архимандритъ. Эта служба очень парадна, цѣлая вереница монаховъ съ длинными сѣдыми бородами выстроилась въ линію по обѣ стороны Архимандрита, когда онъ благословляетъ попеременно крестомъ и восковыми свѣчами молящихся. Хоръ пѣвчихъ, состоящій по большей части изъ мальчиковъ, далеко не представляетъ той гармоніи, которою слаются церковные хоры при православныхъ соборахъ въ центральной Россіи.

Отецъ Василій предупредилъ насъ впрочемъ, что въ монастырѣ нѣтъ хорошаго организованнаго музыкальнаго обученія, что давно уже между старыми монахами нѣтъ знающаго учителя и что въ сѣверномъ климатѣ нѣтъ хорошихъ голосовъ. „Я тоже,—говоритъ онъ намъ откровенно,—имѣлъ голосъ, который нравился моимъ начальникамъ и богомольцамъ;

но, когда я пробылъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, голосъ мой ослабѣлъ, а затѣмъ и совсѣмъ пропалъ, такъ что въ настоящее время болѣе не могу пѣть, и такова участь всѣхъ, кто сюда прѣзжаетъ.

Къ концу службы выходимъ изъ собора и спѣшимъ къ нашимъ фотографическимъ аппаратамъ; къ несчастію, какъ нарочно въ тотъ моментъ, когда проходила процессія, солнце скрывается и полилъ дождь. До самого погруженія креста погода не прояснялась.

По окончаніи церемоніи я представилъ Архимандриту офицеровъ, при чемъ онъ пригласилъ насъ въ трапезную обѣдать. Трапезная—громадная, четырехъугольная комната, въ два свѣта. Своды, поддерживаемые мощными столбами, придаютъ ей величественный видъ; противъ входныхъ дверей алтарь, повсюду столы и деревянные скамейки; стѣны выкрашены масляными красками, расписаны изображеніями святыхъ и событіями изъ ихъ житія.

Архимандритъ посадилъ меня возлѣ себя съ правой стороны, и послѣ непродолжительной молитвы подали кушанья. Архимандритъ, по обычаю первыхъ христіанъ, переламинаетъ предварительно бѣлый хлѣбъ и раздаетъ намъ. Скатерти изъ толстаго небѣленаго холста, ложки деревянные, вилки стальные, тарелки оловянные, на каедрѣ іеродьяконъ громко читаетъ исторію мучениковъ Маккавеевъ и матери ихъ Соломеи. Монахи ѣдятъ въ безмолвіи. Обѣдъ составляютъ винегретъ изъ овощей, щи, картофельное пюре и квасъ. Все это очень хорошо приготовлено. За другими столами обѣдаютъ богомольцы и послушники.

Послѣ каждого блюда Архимандритъ звонитъ и въ то время, какъ діаконъ продолжаетъ читать монотоннымъ голосомъ исторію мученицы Соломеи и о жестокостяхъ Антіоха, цѣлая вереница мальчиковъ въ сѣрыхъ подрясникахъ и черныхъ скуфьяхъ, подпоясанные кожаными кушаками, быстро убираютъ со столовъ, приносятъ слѣдующія блюда и тотчасъ удаляются. Все это оригинально, торжественно и таинственно, такъ что можно подумать, что находишься среди призраковъ давно минувшаго времени.

Накопецъ, обѣдъ кончился; по звонку всѣ встаютъ, произносится краткая благодарственная молитва; затѣмъ монахи выстраиваются передъ алтаремъ, впереди ихъ становится Архимандритъ и возносится новая молитва. Послѣ того, какъ всѣ ушли, мы отправляемся пить чай къ Архимандриту, при чемъ отецъ Іоаннѣйскій объяснилъ намъ организацію монастырскаго управленія.

Настоятель избирается братією и утверждается Св. Синодомъ. При Настоятелѣ состоитъ Совѣтъ (Соборъ) изъ пяти

лицъ, въ томъ числѣ: Отца *Намѣстника*, замѣняющаго, въ случаѣ надобности, Настоятеля; отца *Казначея*, заведывающаго финансовою частью, отца *Ризничаго*, которому ввѣрятся содержаніе и храненіе въ порядкѣ священныхъ предметовъ, а равно цѣнныхъ вещей, отца *Благочиннаго*, заведывающаго административною частью монастыря, и отца *Духовника*, самое наименованіе коего указываетъ на кругъ его обязанностей.

Число монаховъ не ограничено, но уже съ давнихъ поръ общее число ихъ достигаетъ цифры 250—300 человѣкъ. Тридцать Священниковъ именуется Іеромонахами, но и остальные приняли уже на вѣчное время монашескій обѣтъ. Монахи, соблюдающіе особо суровый монашескій уставъ, именуется схимниками; схимниками могутъ быть и не посвященные въ Священнический санъ; они носятъ особое одѣяніе и многіе изъ нихъ доживаютъ до глубокой старости, не приобрѣтая Священства.

Вообще всѣ братія равны между собою, ѣдятъ за однимъ столомъ, носятъ однѣ и тѣ же одежды, исполняютъ одни и тѣ же правила въ молитвѣ и постѣ, а священство предоставляется нѣкоторымъ братіямъ для исполненія специальныхъ обязанностей по усмотрѣнію Совѣта (Собора). Больные среди нихъ бываютъ рѣдко, нѣкоторые доживаютъ до 80 лѣтъ, но вообще по наступленіи шестидесятилѣтняго возраста они постепенно угасаютъ.

Достигнувъ этого возраста, они по слабости не покидаютъ своихъ келій и, доживъ приблизительно до 65 лѣтъ, обыкновенно умираютъ отъ воспаленія легкихъ въ какихъ нибудь три дня. Простой деревянный гробъ, краткая молитва, вотъ и все, чѣмъ оканчивается земная жизнь монаха; ни цвѣты, ни слезы близкихъ не сопровождаютъ его въ мѣсто послѣдняго успокоенія; давно уже онъ почилъ для свѣта. Другой отецъ замѣнитъ его въ пустой келіи, но не забудетъ онъ Всевышнимъ въ будущей жизни.

При разставаніи о. Архимандритъ, пожелавъ намъ счастливаго плаванія на обратномъ пути къ нашей родинѣ, еще разъ благословилъ насъ и поручилъ отцу Ризничему показать намъ ризницу, архивъ и арсеналь монастыря. Простившись съ почтениѣйшимъ и достойнѣйшимъ отцомъ Настоятелемъ и пройдя въ сопровожденіи Ризничаго, двухъ діаконѣвъ, хранителей ключей и нашимъ пріятелемъ, отцомъ Василиемъ, по длиннымъ корридорамъ, доходимъ до двойной желѣзной двери, входимъ въ большую въ сводахъ залу, украшенную витринами, въ которыхъ разложены въ порядкѣ разные древніе и драгоценные предметы.

Здѣсь всего въ изобиліи: цѣлая серія цѣнныхъ, разукрашенныхъ эмалью, жемчугомъ и драгоценными камнями,

митрь; историческія шпаги, въ томъ числѣ шпага, пожертвованная освободителемъ Россіи въ 1612 году Княземъ Пожарскимъ; кресты, ковчежцы съ мощами, великолѣпныя церковныя облаченія, Евангелія въ драгоценныхъ переплетахъ съ серебряными вызолоченными украшеніями мельчайшей ручной отдѣлки XIV, XV и XVI вѣковъ. Есть также нѣсколько грамотъ монастырю Великихъ Князей и Царей Московскихъ. Въ одномъ углу мы замѣтили груды тяжелыхъ желѣзныхъ крестовъ съ желѣзными цѣпами, которые носили на себѣ на груди, всю жизнь день и ночь не снимая съ себя, добровольные монастырскіе мученики—аскеты.

Арсеналь менѣе представляетъ интереса: здѣсь собраны старыя изломанные самострѣлы, пищали, стрѣлы и колчаны, старыя желѣзныя пушки. Въ углу груды ядеръ, выпущенныхъ англичанами во время бомбардированія монастыря въ 1854 году. Осталось еще десять монаховъ, живыхъ свидѣтелей того времени; они носятъ на своихъ одѣянiяхъ медали въ память Крымской кампаніи.

Одинъ изъ нихъ, приглашенный разсказать намъ, какъ было дѣло, объяснилъ намъ, что въ помощь гарнизону, состоявшему изъ 60 солдатъ подъ командою офицера, собралось еще около 200 иноковъ и болѣе 500 мальчиковъ; ихъ вооружили колями, алебардами и пищалями, которыя нынѣ, ржавыя, лежатъ въ арсеналѣ. Всѣ они рѣшили защищаться на смерть въ стѣнахъ монастыря и отвѣтили энергичнымъ отказомъ на предъявленное требованіе англійскаго адмирала о добровольной сдачѣ. Тогда послѣдній, выстроивъ свою эскадру, началъ стрѣлять. Монахи не могли ему отвѣчать, такъ какъ у нихъ вовсе не было пушекъ и очень не много пороха.

Бомбардировка продолжалась цѣлый день, но по Божіей волѣ никто не былъ убитъ. Англійскія бомбы пролетали почти всѣ надъ монастыремъ и падали въ озеро, находящееся за монастыремъ. (Изъ тѣхъ, которыя попадали на дворы и въ стѣны, впоследствии были сложены сохранившіеся до сихъ поръ правильныя пирамиды). Къ вечеру англичане приготовились высадить десантъ, но, увидавъ цѣлыя отряды галопирующихъ по берегу казаковъ, рѣшили благоразумно удадиться. Эти казаки были не кто иные, какъ 200 иноковъ, которымъ приказано было ѣздить на монастырскихъ лошадяхъ верхомъ взадъ и впередъ, на глазахъ непріятеля, съ длинными колями въ рукахъ взаимнѣ пики.

Англичане ушли, сожгли по берегамъ Бѣлаго моря и на Мурманскомъ берегу нѣсколько деревень, жители которыхъ бѣжали внутрь страны, и расхитили двѣ церкви. Въ прошломъ году, по истеченіи 42 лѣтъ, англійскій пасторъ, иногда прѣзжающій на лѣтнее время въ Архангельскъ, принесъ въ

даръ монастырю золотые кресты, унесенные его соотечественниками, которые онъ перекупилъ у собирателей рѣдкостей.

Окончивъ осмотръ, мы сѣли въ сопровожденіи отца Василия въ монастырскіе экипажи и поѣхали въ пустынь Св. Филиппа, создателя большинства существующихъ повнѣ сооруженій. Соловецкъ, который до него ничѣмъ не отличался отъ другихъ маленькихъ монастырей, разсѣянныхъ по всему Сѣверу Россіи, обязанъ ему своимъ величіемъ и своимъ значеніемъ.

Небольшой скитъ охраняется нѣсколькими престарѣлыми монахами, изъ коихъ одинъ схимникъ. Старый, изнуренный, съ дрожащими руками, склоненный къ землѣ, которая, конечно, скоро разверзнется подъ нимъ, по сердечной добротѣ соглашается на нашу просьбу позировать передъ объективомъ, при помощи отца Василия, который его поддерживаетъ. И онъ сперва работалъ, сколько хватало силъ, постоянно молясь Богу; вотъ уже 60 лѣтъ, какъ онъ живетъ въ монастырѣ, не зная ни житейской борьбы, ни мелкихъ земныхъ радостей, равнодушный ко всему, памятуя и славословія лишь Всевышняго.

Мы возвращаемся въ чудный свѣтлый вечеръ по лѣсу и отецъ Василій ссаживаетъ насъ на набережной, возлѣ „Литвы“. Пожелавъ намъ покойной ночи, онъ объявилъ намъ, что завтра утромъ заѣдетъ за нами, чтобы показать намъ маякъ и разныя скиты, разбросанные по Соловецкому острову. Ужинаемъ съ хорошимъ аппетитомъ и рѣшаемъ, что бульонъ съ яйцами и баранина, приготовленные руками повара Россіи на яхтѣ, представляютъ пріятный контрастъ съ утреннимъ обѣдомъ, къ которому мы были приглашены о. Настоятелемъ.

14 Августа.

Ужасные несносные крики чаекъ рано разбудили насъ. Ихъ цѣлыя сотни вокругъ яхты, разгуливаютъ по палубѣ, хватаютъ другъ у друга остатки пищи, брошенной поваромъ въ воду. Соловецкій монастырь—рай для нихъ, потому что здѣсь имъ никто не дѣлаетъ вреда, онѣ тысячами прилетаютъ сюда въ апрѣлѣ и остаются до сентября мѣсяца, гнѣздятся тутъ-же и снуютъ повсюду, гдѣ только могутъ добыть что нибудь съѣдобное. Монахи ихъ очень любятъ. Онѣ обратили бы весь монастырь въ складъ гуана, если-бы не орлы, которые охотятся за ними и которые также совершенно увѣрены въ полной здѣсь безопасности.

Монахи послѣ обѣда уносятъ съ собою нѣсколько корокъ хлѣба для чаекъ и нерѣдко можно видѣть чернаго монаха, окруженнаго этими птицами, сѣрыми и бѣлыми, клюющими хлѣбъ изъ его рукъ. Вообще эти чайки болѣе назойливы и менѣе интересны, чѣмъ знаменитые голуби Св. Марка въ Венеціи.

Провзительный крикъ чаекъ мнѣ наконецъ надоѣлъ и я приказываю двумъ матросамъ прогнать ихъ палками. Но онѣ, увертываясь отъ палокъ и крича, спустя минуту, опять появляются тамъ, откуда ихъ прогнали.

Прибыль экипажъ съ отцомъ Василиемъ и мы уѣзжаемъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ. Командиръ остается въ монастырѣ съ цѣлью сдѣлать фотографическіе снимки внутреннихъ помѣщеній темныхъ церквей при помощи магнія. Наша прогулка по лѣсамъ и полянамъ въ прекрасный осенній день очень удалась; мы останавливаемся сперва въ пустыни Св. Савватія, перваго подвижника, прибывшаго на этотъ пустынный тогда островъ. Съ другимъ пустынножителемъ Германомъ, покинувшимъ, какъ и онъ, Валаамскій монастырь, они основали первый въ Соловкахъ скитъ по образцу Валаамскаго, расположеннаго также на островѣ, среди Ладожскаго озера.

Время не сохранило ихъ первой и скромной деревянной постройки, но на томъ мѣстѣ воздвигнута часовня, а немного въ сторонѣ—каменная церковь и большое каменное зданіе, въ которомъ помѣщается 60 монаховъ и значительное число годовиковъ. Единственный предметъ, оставленный благочестивымъ основателемъ монастыря, это маленький образъ, писанный на деревѣ. Образъ изображаетъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери и нынѣ хранится на иконостасѣ маленькой церкви. Надпись, выгравированная на позолоченной ризѣ, покрывающей по русскому обычаю образъ, удостовѣряетъ, что образъ принадлежалъ Савватію и надпись сдѣлана черезъ полтора вѣка по его смерти, въ 1560 году, по повелѣнію Св. Филиппа, двадцать перваго и самаго прославленнаго Настоятеля Соловецка.

Затѣмъ мы отправились въ пустынь, названную „Сѣкирная гора“, гдѣ устроенъ маякъ. Подѣзжаютъ въ экипажахъ приблизительно до половины горы; съ этого мѣста покато стѣлается крутою и необходимо идти пѣшкомъ. На самой вышинѣ пригорка окруженные соснами стоятъ большой деревянный домъ, каменная церковь изъ кирпича и колокольня, на которой устроенъ маякъ. При яркомъ солнечномъ освѣщеніи бѣлыя стѣны церкви на голубомъ фонѣ неба представляютъ чудный видъ, а съ колокольни можно любоваться панорамой всего острова.

Этотъ послѣдній представляется безконечнымъ, перерѣзанымъ озерами и лугами, лѣсомъ, окруженнымъ моремъ. Скиты и даже колоссальный Соловецкій монастырь кажутся совсѣмъ маленькими бѣлыми точками; небольшія озера и поляны поглощены темною зеленью лѣсовъ; только большія озера представляются блестящими пятнами. Дорога похожа на вы-

рашенные желтой охрою линіи. Зрѣлище обворожительное, которое, не смотря на сквозной вѣтеръ на колокольнѣ, долго удерживаетъ насъ на ней.

Когда мы спустились съ маяка, монахи угощаютъ насъ малиною, собранною здѣсь же вдоль забора, гдѣ она насажена въ нѣсколько рядовъ. Малина хотя была и мелка, но оказалась душистой и вкусной. Простившись, садимся опять въ экипажъ и ѣдемъ въ другой сосѣдній скитъ, гдѣ монахи бѣлятъ воскъ, изъ котораго дѣлаются восковые свѣчи. Какъ и прочія пустыни, онъ устроенъ посреди лѣса у маленькаго озера съ прѣсной водою. Монахи и здѣсь угощаютъ насъ малиною, а мы тѣмъ временемъ снимаемъ окружающій видъ.

По возвращеніи на яхту застаемъ капитана за проявленіемъ нѣкоторыхъ пластинокъ, снятыхъ имъ при свѣтѣ магнія. Затѣмъ насъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ отецъ Настоятель въ сопровожденіи трехъ ближайшихъ сотрудниковъ. Запелъ разговоръ о разныхъ издѣліяхъ, изготовляемыхъ въ монастырѣ, и рѣшено было до нашего отхода, назначеннаго на завтра, въ часъ пополудни, посѣтить монастырскія мастерскія. Мы показываемъ о. Настоятелю нашу яхту во всѣхъ деталяхъ, которыми онъ очень интересуется, имѣя въ своемъ распоряженіи тоже два парохода для перевозки богомольцевъ и полный составъ экипажа изъ монаховъ и послушниковъ отъ капитана до юнга включительно.

По приглашенію Настоятеля, я отправился съ нимъ осмотрѣть коллекціи биологической станціи, куда каждое лѣто пріѣзжаютъ работать 5 или 6 студентовъ С.-Петербургскаго университета. Мы переѣзжаемъ къ станціи въ шестивесельной шлюпкѣ съ монахами гребцами. При причаливаніи одинъ изъ гребцовъ упустилъ багоръ, и нашу шлюпку ударило волною въ бокъ. Это приключеніе никакихъ послѣдствій не имѣло, и мы благополучно высадились при помощи брошенной намъ съ берега веревки.

Студенты, неряшливо *) одѣтые, довольно грязные и излишне развязные, принимаютъ насъ въ началѣ не особенно привѣтливо; но Настоятель своимъ обращеніемъ скоро приводитъ ихъ въ хорошее расположеніе духа; они показываютъ намъ результаты своихъ трудовъ: разныхъ противныхъ животныхъ и окровавленные внутренности въ стеклянкахъ со спиртомъ. Быть можетъ, изготовленные ими экземпляры рѣдки и цѣнны для науки, но я профанъ въ этомъ дѣлѣ и нахожу ихъ отвратительными.

Прощаясь со студентами, Архимандритъ, нѣжно положивъ руку на плечо старшаго изъ нихъ, выразилъ одобреніе

*) Въ рабочихъ костюмахъ.
Прим. Ред.

ихъ трудамъ и сказалъ: „Господь Богъ вознаградитъ Ваше усердіе, дѣти мои; тѣмъ не менѣе Вы православные,—приходите иногда на богослуженіе въ церковь и доставьте мнѣ этимъ удовольствіе“. Когда мы спускались вмѣстѣ по деревянной лѣстницѣ, онъ въ полголоса добавилъ мнѣ лично: „да, они въ томъ возрастѣ, когда думаютъ, что заочно казаться вѣрующими; но это у нихъ пройдетъ, въ сущности они прелестные молодые люди. Дай Богъ, чтобы это случилось возможно скорѣе“. Совсѣмъ растроганный разговоромъ и манерами о. Настоятеля, его чистосердечіемъ и добротою, возвращаюсь на яхту.

Рѣшаемъ завтра въ одинъ переходъ идти отъ Соловецка до Вардэ—въ Норвегію. Нагрузили прѣсной воды и угля. Намъ не доставало лишь нѣкоторой провизіи; мы крѣпко рассчитываемъ на отца Василия.

15 Августа.

День обѣщаетъ быть прелестнымъ; легкій юго-восточный вѣтерокъ чуть—чуть колеблетъ воду. Заходимъ въ мастерскія и покупаемъ въ рухлядной на память портфели и портмоне съ клеймами Соловецка, а также двѣ пестрыя очень оригинальныя тюленья шкурки; затѣмъ намъ доставлена необходимая провизія, счета сведены и мы прощаемся съ нашимъ чичероне отцомъ Василиемъ.

Много стоило мнѣ труда заставить его принять на память серебряно—вызолоченный кубокъ съ гравированнымъ вензелемъ яхты. Наконецъ, весь сконфуженный и покраснѣвшій, онъ принимаетъ его, но чрезъ четверть часа возвращается съ завернутымъ въ бумагу предметомъ. „Простите меня, прошу Васъ, но и я въ свою очередь хотѣлъ бы предложить Вамъ что нибудь на память. Я бѣденъ и кромѣ этой, вышитой по холсту моей сестрой, тоже монахинею, салфетки, ничего другого не имѣю“. Принимая подарокъ, жму отъ всего сердца руку добраго монаха и мы сердечно прощаемся.

Половина перваго, приходитъ на яхту командиръ одного изъ монастырскихъ пароходовъ, іеродіаконъ, живущій здѣсь 25 лѣтъ, назначенный вывести насъ изъ гавани. Онъ носитъ черныя подрясники, шапочку послушника. Скоро, подъ его управленіемъ, „Литва“ сначала медленно, потомъ подъ половинными парами выходитъ изъ порта по фарватеру и, спустивъ лоцмана—капитана въ слѣдовавшую за нами на буксирѣ шлюпку, направляетъ курсъ на сѣверо-востокъ. Мало-помалу за нами исчезаетъ Соловецкій монастырь, гдѣ мы провели три дня и откуда вынесли наилучшія впечатлѣнія. Море тихое, атласное, закатъ солнца чудный, какого мы давно не видали.

16 Августа.

Погода хорошая. Послѣ полудня около 4 часовъ вѣтеръ свѣжѣетъ, подымается волна, мы приближаемся къ океану.

17 Августа.

Утромъ небо покрывается тучами, идетъ дождь въ продолженіи двухъ часовъ; но послѣ полудня погода улучшается и освѣщенный солнцемъ слѣва видимъ Мурманскій берегъ, который представляется намъ уже совсѣмъ не такимъ сѣрымъ и пасмурнымъ какъ тогда, когда мы шли въ Архангельскъ. Вѣтеръ переѣхалъ на юго-востокъ, даетъ намъ возможность поставить всѣ паруса, и „Литва“ при полномъ солнечномъ освѣщеніи несется по голубымъ волнамъ, такъ что можно вообразить, что находишься въ Средиземномъ морѣ, а не подъ 69 градусомъ сѣверной широты въ Ледовитомъ океанѣ. Потомъ наступаетъ свѣтлая, чудная и относительно теплая ночь, и только въ 11 часовъ вечера спускаюсь въ каюту. Проснувшись въ 4 часа отъ стука цѣпей при спускѣ якоря, снова засыпаю.

18 Августа.

Было уже поздно, когда слуга отворилъ дверь моей каюты и хлынувшая въ каюту вонюбѣдила меня, что мы въ Вардэ. Вся Сѣверная Норвегія заражена этою вонью, но въ Вардэ она представляетъ настоящее бѣдствіе, тѣмъ болѣе, что мы вынуждены оставаться здѣсь цѣлый день, чтобы дать отдыхъ людямъ.

Визитъ почтъ, это единственная экскурсія, которую я рѣшаюсь сдѣлать въ этомъ складѣ разлагающейся трески; остальная часть дня проходитъ въ приведеніи въ порядокъ нашихъ фотографическихъ снимковъ и въ провѣтриваніи купленныхъ въ Соловецкѣ нерничьихъ кожъ. Вечеромъ устраивается праздникъ для команды съ томболою, въ которой серебряныя выигрыши чередуются съ бутылкою далматскаго вина, папиросами и мараскиномъ.

Подъ вечеръ сынъ Германскаго консула, торговецъ готовымъ платьемъ, приглашенный мною въ качествѣ переводчика, является съ извиненіемъ, что не можетъ ѣхать съ нами. Опечаленные этою первою неудачею, мы съ ужасомъ замѣчаемъ сильное паденіе барометра въ виду неизбежной необходимости въ случаѣ бури оставаться на два или на три дня и вдыхать зараженный воздухъ въ Вардэ.

Но погода продолжаетъ быть хорошею, и наступаетъ свѣтлая, спокойная и холодная ночь. Ждемъ прибытія нашего лоцмана, который завтра долженъ пріѣхать на пароходѣ.

19 Августа.

Лоцманъ является и докладываетъ, что по наружному виду море тихо, вѣтра нѣтъ и рассказываетъ про одно прик-

лючение, которое случилось три недѣли тому назадъ на пароходѣ, который отвозилъ его изъ Вардэ. Одинъ изъ двухъ бѣлыхъ медвѣдей, взятыхъ на Шницбергенѣ и предназначенныхъ въ Гамбургъ, на другой день вырвался изъ своей клѣтки и бросился на прогуливавшихся по палубѣ пассажировъ. Охватившая экипажъ паника могла бы привести къ большому несчастію, если-бы не находчивость одного матроса; онъ со всѣхъ силъ ударилъ желѣзнымъ брусомъ и ошеломилъ медвѣдя, который свалился въ море и тотчасъ же скрылся.

Въ виду увѣренія нашего лопмана, что не смотря на паденіе барометра, погода будетъ хорошая, мы рѣшаемъ выйти въ 2 часа пополудни, тѣмъ болѣе, что по пути насъ ожидали многочисленныя защищенныя бухты, куда въ случаѣ бури всегда можно укрыться. За часъ до поднятія якоря явился къ намъ приличный молодой человекъ, приказчикъ одной рыбопромышленной фирмы, съ предложеніемъ—по 5 кронъ въ день—быть намъ переводчикомъ. Вардэ ему порядочно надоѣло и онъ рассчитываетъ найти себѣ мѣсто въ Христианіи. Будь я на его мѣстѣ, я поступилъ-бы точно также. Охотно беремъ его съ собою.

Выѣстъ съ закупленною провизіею, доставленною въ послѣднюю минуту, мы получаемъ сюрпризъ: барышни телеграфистки, которыхъ я видѣлъ всякій разъ при посѣщеніи почтовой конторы, присылаютъ намъ, при пожеланіяхъ счастливаго пути, свои визитныя карточки и розы, выращенныя, по всей вѣроятности, въ комнатахъ: откуда иначе могли-бы появиться розы въ Вардэ? Въ отвѣтъ и въ знакъ признательности отсылаемъ подюжины бутылокъ мараскина.

Море гладко, какъ зеркало; небо чисто, солнце затушено легкими полупрозрачными тучами. Яхта скользитъ вдоль берега, окрашеннаго голубыми оттѣнками; влѣво оставляемъ бухты и порты: Пеерсъ, Свилте и Баадсъ; на горизонтѣ показывается съ длинною полосой дыма паровой вельботъ, и идемъ къ берегу. Постепенно поднимается довольно свѣжій восточный вѣтеръ и грузная волна бьетъ въ берегъ. Чтобы не находиться въ морѣ ночью, мы заходимъ въ портъ Конжъ и бросаемъ якорь. При входѣ, налѣво, громоздятся подводныя зубчатыя гранитныя глыбы, очень похожія на рифъ Петинъ близъ Рагузы.

20 Августа.

При свѣжжемъ утренникѣ уходимъ въ 8 час., появляется солнце и освѣщаетъ оригинально нагроможденный у берега гранитъ. Состояніе моря покойно, легкій юго-западный вѣтерокъ позволяетъ поставить всѣ паруса, и мы направляемся къ китобойному заводу Мехавнъ, куда на буксирѣ доставляютъ китовъ для обработки усовъ и жира. За нѣсколько лье

на поверхности воды видны плавающіе остовы китовъ, которые служатъ приманкою для чаекъ. Ровно въ часъ приходимъ въ гавань Мехавнъ. Гавань хорошо защищена, глубока и безопасна; въ гавани стоятъ два китоловныхъ парохода, нѣсколько барокъ и деревянное зданіе завода. На первомъ планѣ у берега окровзвленные остовы десятка китовъ, съ коихъ жиръ уже отдѣленъ; поближе на мели четыре еще не разрѣзанныхъ кита, громадные, раздутые газами, какъ бурдюки.

Не взирая на невыносимый запахъ, рѣшаемся снять фотографію съ этой гадости; но силы насъ покидаютъ, съ моими слугою, который держать аппаратъ, дѣлается дурно. Возвращаемся чуть живыми на валубу „Литвы“ и быстро подымаемъ якорь, чтобы скорѣе убѣжать отъ этой заразы. Только на свободѣ, вдохнувъ свѣжій воздухъ океана, мы нѣсколько оправились отъ душадяваго запаха гнили. Не смотря на эту вонь, мужчины, женщины и дѣти все-же живутъ въ этой атмосферѣ. Приходимъ къ заключенію, что есть норвежцы, которые обладаютъ чувствомъ обонянія (нюхомъ) только для выгодныхъ операцій.

Отличная осенняя погода, какая бываетъ рѣдко на Сѣверѣ; никогда еще намъ не приходилось любоваться такимъ контрастомъ цвѣтовъ и освѣщенія. Вотъ проходимъ мысъ Нордкинъ, самую сѣверную точку материка: не слѣдуетъ смѣшивать его съ Нордкапомъ, который посѣщаютъ туристы,—тотъ расположенъ на островѣ. Затѣмъ Вогельбергъ, гора птицъ, гдѣ, какъ утверждаетъ нашъ лопманъ, десятки тысячъ разной мелкой птицы взлетаютъ при выстрѣлѣ.

Заряжаются ружья, а я наставляю свой аппаратъ; подходимъ какъ можно ближе къ горѣ, которая выступаетъ мысомъ въ море. Отъ свистка парохода ни одна птица не шевельнулась; затрещали выстрѣлы и все ничего. Птицъ уже нѣтъ, онѣ еще до насъ отлетѣли, и мы стрѣляли лишь по граниту. Не имѣя возможности отыскать на своихъ пластинкахъ отлетѣ баклановъ и чаекъ, фотографирую видъ скалы. Черезъ полчаса поворачиваемъ влѣво, окончательно покидаемъ океанъ и входимъ въ проливъ.

Въ 9 ч. стравливаемъ якорь въ Можерозундъ: надъ сорока маленькими, разноцвѣтными деревянными домиками возвышается каменная бѣлая церковь; позади колоссальная темносѣрая гора, частью покрытая зеленымъ мхомъ. Якорь спущенъ на глубину 36 метровъ и тѣмъ заканчивается при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ 23 дневное путешествіе наше по Ледовитому океану и Бѣлому морю, которое въ виду наступленія осени и обычныхъ въ такое время года въ этихъ странахъ бурь, нужно считать вполне удавшимся.

Мы выходимъ въ 8 час. утра при чудной погодѣ; море похоже на ртуть, по коей пароходъ оставляетъ за кормою длинныя правильныя вѣерообразныя завитки. Вдыхаемъ полною грудью чистый, свѣжій утренній воздухъ, чѣмъ вознаграждаемъ себя послѣ Вардэ и Мехавна. Проходя близъ береговъ, на которыхъ то тутъ, то тамъ у подошвы горъ расположены луговыя поляны, чувствуемъ въ воздухѣ легкій запахъ скошеннаго сѣна. Нѣтъ деревень, нѣтъ трески; только небо, море и горы. Забыты зараженныя рыбопромышленниками мѣстности. Очаровательная страна Норвегія, но безъ норвежцевъ.

Проходимъ Магнозундъ, окаймленный высокими крутыми берегами, потомъ Мазозундъ, гдѣ киты весело кувыркаются въ водѣ. Командиръ, желая ближе посмотрѣть на кита, повернулъ пароходъ по тому направленію, гдѣ онъ погрузился, но тотъ, должно быть, замѣтилъ маневръ и вынырнулъ далеко въ морѣ.

Затѣмъ проходимъ безконечное число узкихъ каналовъ и высокихъ, покрытыхъ мохомъ горъ съ громаднымъ глетчеромъ на заднемъ планѣ, откуда течетъ ручей и впадаетъ въ море. Это на берегу океана кусочекъ Швейцаріи, которымъ люблю-емся, стоя на мостикѣ, а далѣе чуть замѣтны хижины до-парей. Выйти на берегъ и поближе посмотрѣть на нихъ едва-ли доставить удовольствіе, потому что предприимчивые норвежцы соорудили и тутъ фабрику гуано.

Въ 3 часа пройдя Рольфзундъ, мы уже въ виду Гаммерфеста, гдѣ въ портъ становимся на якорь, чтобы захватить поч-ту и прѣсной воды. Вода Гаммерфеста проведена съ горъ къ набережной и пользуется заслуженною хорошею репутаціею. За нее взимають 18 кронъ, какое бы количество ни понадо-билось.

На этомъ кончаю; поднимаемъ якорь и въ путь домой. —
